

А. А. Назаревский

ЛИТЕРАТУРНОЙ
СТОРОНЕ ГРАМОТ
И ДРУГИХ ДОКУМЕНТОВ
МОСКОВСКОЙ РУСИ
НАЧАЛА XVII ВЕКА

Издательство Киевского
университета

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

А. А. НАЗАРОВСКИЙ

О ЛИТЕРАТУРНОЙ СТОРОНЕ
ГРАМОТ И ДРУГИХ ДОКУМЕНТОВ
МОСКОВСКОЙ РУСИ
НАЧАЛА XVII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1961

В настоящей работе автор исследует малоизученный вопрос о литературной стороне документов эпохи крестьянской войны и иноземной интервенции начала XVII ст. В ней рассматриваются не только грамоты и отписки, которыми обменивались боровшиеся против интервентов русские города, но и другие документы того времени: челобитные, наказы, распросные речи и т. д. Все эти документы анализируются в связи с их содержанием со стороны их «литературности», то есть со стороны использования в них тех художественных, образных средств, которые должны были воздействовать на читателей или слушателей — участников и современников происходивших событий.

Изучение привлеченных в работе документов устанавливает наличие в них особых приемов, обнаруживающих не только деловые навыки тогдашних профессионалов пера, но и их «художественно-литературные» навыки, а также индивидуальные художественные искания.

Исследование рассчитано на специалистов — литературоведов, лингвистов, историков, а также на преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

Ответственный редактор академик А. А. БЕЛЕЦКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Количество сохранившихся до нашего времени различных грамот и других документов прошлых столетий огромно. Еще А. И. Соболевский в своем курсе «Славянорусской палеографии» указывал, что один Киевский центральный архив древних актов хранил около полумиллиона грамот, а «Московский Архив министерства юстиции, по-видимому, в несколько раз более Киевского архива»¹.

Естественно, это бесчисленное множество составлявшихся, переписывавшихся и рассылавшихся документов требовало соответственного количества хорошо подготовленных специалистов, писцов-профессионалов, которые должны были в достаточной мере владеть книжной речью своего времени вообще и деловой, канцелярской речью в частности. Такими составителями деловых документов являлись в большинстве случаев дьяки и подьячие различных приказов, земские писари, но нередко грамоты составлялись и духовными лицами, начиная от высших иерархов и кончая священниками и церковными или монастырскими дьячками².

К XVI—XVII ст. в среде профессиональных писцов и составителей грамот уже были выработаны и твердо установились определенные формы документов и специфический деловой, канцелярский стиль. Этот традиционный канцелярский стиль имел некоторые общие, свойственные всем деловым документам черты и, кроме того, некоторые особые черты и приемы, свойственные тому или иному виду документов. Поскольку же писцы-профессионалы были в какой-то мере вообще «книжными

¹ А. А. Соболевский, Славянорусская палеография, Изд. 2. СПб, 1908, стр. 15.

² Ср. в отписке Б. Военкова Борису Годунову 25.XI 1602 г.: «Дав твоих царских дел к тебе к государю у меня, холопа твоего, *писати некому*; а нынеча писал монастырской дьячок, а я, холоп твой, писати не умею, а детинки у меня такого нет». (АИ, II, стр. 51. курсив мой—А. Н).

людьми» своего времени, то в своей канцелярской практике они нередко прибегали к общепринятым приемам и особенностям книжной речи, к использованию ее художественных средств, а иногда вводили в свое изложение и черты живой народной речи.

Чем начитаннее, искуснее, талантливее был составитель грамоты, тем больше и лучше он мог проявить себя в официальном документе с литературной стороны. Во всяком случае художественные приемы тогдашней книжной речи, а иногда и речи народной достаточно широко отражались в документах XVII в., и мне кажется вполне справедливым замечание одного из исследователей стиля грамот, что «можно было бы повторить почти всю теорию художественного стиля на примерах, взятых из московских грамот»¹.

Вопрос о литературной стороне грамот и других документов, связанных с эпохой крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в., ждет своего освещения и разрешения, а между тем он лишь сравнительно недавно стал привлекать внимание исследователей.

Отдельные попутные замечания о стилистических особенностях грамот и других документов XVII в. можно найти в таких общих работах по истории русского литературного языка, как «Исторический комментарий к литературному русскому языку» Л. А. Булаховского², вузовский курс лекций А. И. Ефимова³ и некоторые другие.

Специалисты-литературоведы сравнительно поздно обратились к выявлению и изучению литературных элементов в грамотах. После нескольких общих замечаний по этому вопросу В. П. Адриановой-Перетц и частных замечаний других авторов второй части II-го тома «Истории русской литературы» (1948 г.)⁴ некоторые позднейшие работы только сопоставляют стилистические приемы грамот с литературными особенностями отдельных произведений⁵ или специально останавлива-

¹ В. В. Данилов, Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века. — ТОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 215.

² Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к литературному русскому языку, X.—К., 1937; 5-е изд. 1958.

³ А. И. Ефимов, История русского литературного языка, М., 1954.

⁴ История русской литературы. Изд. АН СССР, т. II, ч. 2, М.—Л., стр. 18—19, 45—47, 50. — Ср. высказывания В. П. Адриановой-Перетц в «Истории русской литературы в 3-х томах», изд. АН СССР, т. I, 1958, стр. 258, 263—264.

⁵ Н. Ф. Дробленкова. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность, Изд-во АН СССР М.,—Л., 1960, 1-я глава диссертации анализирует памятники агитационной письменности времени осады Смоленска и периода организации 1-го ополчения. На стр. 4—6 здесь помещен перечень работ, в той или иной мере касающихся взаимосвязи деловой письменности и литературы в XVI—XVII вв.

ются на рассмотрении приемов художественной речи в грамотах и других документах указанной эпохи¹.

Предлагаемая работа рассматривает не только правительственные грамоты, воззвания духовенства, грамоты и отписки, которыми обменивались поднявшиеся против интервентов города, но и другие разнообразные документы этого времени: наказы, челобитные, памяти, листы, статейные списки, распросные речи и т. д., причем упомянутые документы в тесной связи с их содержанием анализируются со стороны «литературности», художественности их речи, использования в них специально подобранных слов или целых фраз, которые могли бы «воздействовать на умы и чувства читателей и слушателей»².

Анализ перечисленных выше документов дает возможность установить в них наличие особых приемов, которые выражались не только в употреблении делового языка рядовых подъячих и других профессионалов пера, но и в их художественно-литературной манере, а также, в индивидуальных художественных исканиях.

Во многих документах легко можно отметить сознательный подбор и использование таких выразительных средств речи, как сравнения и метафоры, обращения, восклицания, риторические вопросы, приподнятый эмоциональный стиль и другие. Однако нередко бывают и такие случаи, когда, кроме отдельных художественных приемов, в документах встречаются целые литературно оформленные отрывки: значительные фрагменты диалогической речи, пространные описания и повествования, иногда отдельные бытовые сцены, вставные рассказы, а также попытки в ходе повествования дать характеристику отдельных упоминаемых лиц.

При изучении литературной стороны документов этого времени нетрудно заметить, что стиль их, способ изложения обычно связан не только с содержанием документа, но и с рядом других обстоятельств. Такими обстоятельствами являются, например: назначение документа (сообщение или информация, агитационные цели, или просьба о чем-либо, распоряжение и т. п.); адресат документа, т. е. то, кому он направляется (царю, духовному лицу, жителям города, области, начальствующим или подчиненным лицам); от кого исходит документ, от чьего имени он составлен; кто был действительным составителем, автором документа (сам его отправитель, писец-профессионал или случайное лицо).

Все перечисленные обстоятельства, бесспорно, налагали на большинство документов свой определенный отпечаток, давали им ту или иную стилистическую окраску, ту или иную степень литературности. Само собой разумеется, что челобитная царю,

¹ В. В. Данилов, ук. соч. ТОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 209—217.

² Там же, стр. 217.

обращение к народу патриарха, донесение приказного дьяка или случайное письмо частного лица будут значительно различаться между собою приемами изложения, своей литературной стороной.

Указанные здесь обстоятельства нельзя не учитывать, не принимать во внимание в дальнейшем, когда весь привлеченный в работе материал придется группировать по определенным рубрикам, объединяющим и характеризующим литературные приемы, образные средства, вообще — особенности стиля анализируемых документов.

* * *

Историческая обстановка начала XVII в. — внутривосточная жизнь страны и борьба с интервентами — требовала усиленных сношений между городами, селениями, монастырями на всем огромном пространстве Московского государства. В это время и светская и духовная власть, и гражданская и церковная администрация, как в центре государства, так и на местах, особенно широко пользовались письменным словом. Документы составлялись и распространялись в огромном количестве, выходя из рук не только многочисленных профессиональных писцов, но и вообще грамотных людей, достаточно хорошо владевших пером. В упомянутой выше статье В. В. Данилов справедливо замечает по этому поводу: «Только население с большой культурой грамотности могло создать целое сословие специалистов письма, разбросанных по всем городам, от западных границ Московского государства до его сибирских окраин»¹.

Конечно, в подавляющем большинстве дошедшие до нас документы конца XVI—начала XVII в. вышли из рук именно профессионалов, и это в какой-то мере и роднит и обезличивает их: почти все они подернуты определенным стилистическим налетом — то более светским, то более церковным в зависимости от их содержания и происхождения.

Однако в этих документах есть индивидуальные черты и особенности, зависящие то от изображаемых в них событий и лиц, то от личности самого писца, составителя документа, от его собственных художественных склонностей и вкусов.

Нашей задачей является — показать не только общие, широко употребительные литературные приемы, встречающиеся в грамотах и документах начала XVII в. в разрозненном, раздельном виде, но и наличие в них других, новых проявлений «литературности»: более широкого и смелого внедрения в традиционную деловую речь образного рассказа или описания, живых диалогов, бытовых сцен, наличие в документах настоящих «лите-

¹ В. В. Данилов, ук. соч., ТОДРЛ, XI, стр. 210.

ратурных оазисов», в которых проявилось умение тогдашних писцов-профессионалов дать яркую психологическую характеристику, нарисовать живой портрет.

1. ТОРЖЕСТВЕННО-РИТОРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Рассмотрение литературных особенностей грамот и некоторых других документов начнем с выявления в них элементов церковно-книжного красноречия, той торжественной, украшенной и сложной по конструкции речи, которой обычно отличаются документы, идущие из кругов духовенства.

В этом отношении значительный интерес представляет один документ, относящийся еще ко времени до начала «Смуты» и выходящий за пределы Московской Руси; это — челобитная львовского братства царю Федору Ивановичу от 15 июня 1592 г., написанная, как в ней указано, митрополитом Терновским Дионисием, с просьбой помочь в восстановлении сгоревшей церкви с больницей и странноприимным домом¹.

Обращение к главе соседнего могущественного единоверного государства с просьбой о помощи заставляло митрополита Дионисия привлечь весь арсенал духовного красноречия, все установленные приемы высокого стиля, которые он и вводит щедрой рукой в эту «братскую» челобитную с самого ее начала. Обращаясь к царю, он называет его «северской страны великоименитого рода Росийска и многоплеменитых язык крепким властителем, варваров добропобедным прогонителем», «истине ревнителем», «православные веры опасным блюстителем», «стеной и прибежищем христианом», «богом соблюдаемым скипетром христоименитого царства» и т. п. (47)². Здесь и искусно подобранные сложные эпитеты-прилагательные, и рифмующиеся имена существительные в однородных, повторяющихся частях сложной конструкции, и метафорические обороты, и типичные приемы «плетения словес», и общий приподнятый, торжественный тон, который в дальнейшем переходит уже в настоящее славословие:

«Существом убо телесе равен еси человеком, о! царю, достоянием же превосходишь всячески³: и яко богонаучен, не гневаешишь, и яко тленен, не возносишишь; царь убо еси, иже венцем целомудрия обложен и порфирию правды оболочен»... (48). Автор приводит развернутое сравнение ничего не требу-

¹ АЗР, т. IV, № 34.

² Здесь и везде дальше цифры в скобках указывают страницы соответствующего издания.

³ Ср. этот прием резкого, подчеркнутого противопоставления с аналогичным приемом — на фоне пышной риторики — в «Степенной книге царского родословия», где, например, о великом князе Дмитрие Ивановиче (Донском), оставшемся после смерти отца малым ребенком, говорится, что он «млад сый, оста честна си родителя летом яко десяти, мудростию же возраста яко тысящалетен».

ющего себе, но всех питающего своими щедротами царя с морем, наделяющим своими водами всю вселенную:

«Якож море широкаго Понту не требует рек к себе текущих, но от себе всю вселенную реками сладких вод напаяет: сице твое величество, царю, ничтоже от кого требуй, но всем по вселенней... прохлаждение еси и утешение и окормление»... (48). Говоря о милостивом отношении царя к просителям, автор обыгрывает самое слово «милость»: «И яко убо *милостив* ко просящим *милости* бываеши, таково и себе молящусь владыку *милостива* обретаеши» (47—48; Курсив мой.—А. Н.). В конце концов, составитель челобитной призывает царя Федора уподобиться его великому предку — Владимиру святому: «...Да уподобившись, всесветлый царю, памяти святей честнаго ти царства прародителю, великому Владимиру, просветившему весь род Российский святым крещением» (48).

Надо сказать, что такой прием — сопоставление «сильных мира сего», к кому обращено приветствие, слово, челобитная, с выдающимися деятелями прошлого, героями или с силами природы (море, солнце)—встречается не раз в документах первых десятилетий XVII в.

Очевидно, хорошо зная, какую роль играл при царе Федоре Ивановиче «правитель» Борис Годунов, митрополит Дионисий одновременно обращается и к нему с той же просьбою и в тех же торжественных выражениях: «Пресветло-вельможный и всякой чести достойный, богопочтенный Борисе Федоровичу!»... и далее сравнивает его с солнцем, которое освещает при своем восходе все, находящееся во тьме, согревает всех в зимние холода и «возрастает» все то, что находится «в поправии»: «сице и твой благоприветливый образ, прехвалный Борисе, круговидному и светлосияющему солнцу подобен; на кого убо аще обратится, велико благодарение возпущает» (50).

Те же приемы высокого стиля, привычной риторики встречаем в приветственной речи патриарха Иова Борису Годунову (июль 1598 г.) на возвращение его из Серпуховского похода против татар¹. Она начинается патетическим обращением: «О богом избранный, и богом возлюбленный, и богом почтенный, и богом дарованный, благочестивый и великий государь, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии самодержец!» (12), где четырехкратное повторение слова «богом» должно было усилить впечатление и подчеркнуть особую близость и покровительство недавно избранному земному царю со стороны царя небесного. Вся речь выдержана в торжественном тоне и усиленно подчеркивает благочестие Годунова, которому бог даровал за это «прехвальную без крови победу» над «недругом», «безбожным крымским царем» и «безбожными» и «богомерзкими» агарянами (т. е. татарами).

¹ ААЭ, т. II, № 5.

В таком же стиле составлено приветствие Дмитрию Самозванцу, написанное в 1605 г. известным своим литературным дарованием и опытом протопопом Терентием¹. Обращаясь к Самозванцу, он говорит: «Радуемся убо и веселимся... видяше тебе светлаго храборника, благочестивого царя... святым елеем помазанного Димитрия Ивановича, всеа Руси самодержца и обладателя многих государств» (385) — и далее называет его «крепким хранителем и поборником» православной веры христианской, «твердым адамантом», «рачителем и красителем христове церкви», «во всей поднебесней светлее солнца сияющим». Желая подчеркнуть прочность нового царствования, оратор задает риторический вопрос, впечатление от которого хочет еще усилить повторением синонимических выражений: «бог бо тебе укрепи, и утверди, и постави ноzi твои на камыце своего основания, — кто тя может поколебати?» (385). Нагромождением таких синонимических оборотов, усилением впечатления он и заканчивает свое приветствие: «Сего ради не престаю молю, умильно вопию, слеза не умолчу; государь умилосердися, царь смилуйся, благородне ушедри, благочестиве призри, богом помазанне не забуди, якоже обещася, Димитрие Ивановичь, всея великия Росия самодержче, пожалуй!» (там же)².

Типичный образец «плетения словес» с подбором ряда определений встречаем в соборной прощальной грамоте патриархов Гермогена, Иова и других от февраля 1607 г.³ Здесь в очень просторном торжественном вступлении, прославляющем бога, его величие, могущество и премудрость, авторы путем нагромождения искусно подобранных и, в большинстве, искусственно составленных сложных прилагательных — эпитетов стараются охарактеризовать сущность и непостижимые свойства «Троицы» — «единосущныя и неразделныя Троица, равнобожественныя, и равночестныя, и равноспрестолныя, и равносоветныя, и равнодейственныя, и равносущныя, и соприсносущныя, и собезначалныя, и единоначалныя, и трисоставныя, и неразделныя, в триех составех единого божества» (150). Тринадцать эпитетов, «приплетенных» один к другому, должны были раскрыть и запечатлеть в сознании читателей, слушателей грамоты понятие и представление о «непостижимой» «Троице».

Ярким образцом торжественного, книжно-церковного стиля с использованием библейских цитат, сравнений, риторических вопросов и восклицаний, обращений непосредственно к адресату и т. п. является грамота патриарха Гермогена и других лиц королевичу Владиславу от 12 сентября 1610 г.⁴

¹ ААЭ, т. II, № 224.

² Типичный образец «плетения словес» в этом же «Приветствии» Самозванцу — абзац о «молитвенной силе», где одно за другим «приплетено» двенадцать различных проявлений «молитвенной силы» (384).

³ ААЭ, т. II, № 67.

⁴ СГГД, т. II, № 207.

Это, в сущности, как и некоторые другие грамоты и документы эпохи, — настоящее самостоятельное литературное произведение, в котором в соответствии с намеченной композицией сначала дан исторический очерк прежних царствований, затем говорится о мятежах и самозванцах, об избрании Владислава на московский престол и излагается просьба принять греческое вероисповедание.

Говоря о длительной, непрекращающейся смуте, грамота употребляет образное сравнение: «и по ся места великое Московское государство мятежя великими розными мятежи, яко море волнуется волнами», а кровь христианская «проливается, яко вода»... «А мы, видя и слыша такое... на нас гонение... не можем не сетовати и... не можем не плакати; но горе тем, — восклицает составитель, — кто сицевая творит! Како не утратят бога, како не умилятся... по писаному» (следует библейская цитата, стр. 447).

Непосредственно обращаясь к королевичу Владиславу и говоря о необходимости принятия греческого вероисповедания, в связи с избранием его на московский престол, грамота призывает его стать «вторым Владимиром»: «Ты ж, о честная и богом хотящаяс[я] любити благородная душе, буди второй Владимир, возлюби веру, ея же бог любит» (448; далее несколько библейских цитат). В дальнейшем обращении к Владиславу грамота предлагает ему «восприять» оружие, которым апостол Павел вооружает верующих на брань: «[аки] броня веру непорочную, аки щит упование, аки шлем непрестанную Божию любовь» (449). После этих книжно-церковных сравнений идут библейские цитаты, а дальше снова следует призыв в виде ряда метафорических книжных оборотов: «облецыс[я] в ризы новы нетления и в порфиру веселия, в диадиму радости и в венец благоверия»... (449). Далее, настойчиво подчеркивая мысль о необходимости для католика Владислава креститься по греческому обряду, грамота умышленно много раз рядом повторяет слово «крещение» — в различных сочетаниях и вариациях — для усиления его воздействия на высокого адресата, для большей убедительности:

«приими, государь, *крещение*, им же очистятся твои греси; приими *крещение*, им же внидеши в небесное царствие; приими *крещение*, им же... (пропуск в рукописи)... твоим крещением... Московское великое государство от мятения престанет и тишину примет; твоим *крещением* кров крестьянская престанет литис[ь]; твоим *крещением* разоренные церкви... (пропуск в рукописи)... твоим *крещением* многие грады позженные и веси и дома всяких запустошенных учнут строитис[ь], и вси...; твоим *крещением* крестьянская вера не разорится, но и паче просветится; твое *крещение*... всем православным крестьяном путь и вожд и спасение»... (далее еще несколько фраз, начинающихся словами «твое крещение»; 449—450; Курсив мой.—А. Н.).

Тот же высокий, торжественный стиль встречаем в грамоте князя Дмитрия Пожарского казанскому митрополиту Ефрему (12 июля 1612 г.)¹, где говорится, например, что за грехи бог «совершил ярость гнева своего в народе нашем, угасил два великия светила в мире»: «отъял... главу Московскаго государства» — царя и «святейшего патриарха московскаго и всея Руссии»; мало того, и по городам «многие пастыри наши и учителя, митрополиты и архиепископы и епископы, яко пресветлыя звезды, погасоша» (599). Грамота подчеркивает, что в таких тягостных условиях митрополит Ефрем сам становится как бы вождем духовенства, и воздает ему неумеренную похвалу, сравнивая с солнцем: бог дал его в утешение, «яко некое великое светило положи на свещнице в Российском государстве сияюща»... Увлечшись собственным красноречием, составитель грамоты вопреки логике тут же добавляет: «и реки медоточныя изливающа» (600).

Типичным образцом торжественного, украшенного стиля может служить еще «Послание к воеводам Димитрию Трубецкому и Димитрию Пожарскому о соединении и любви» (1612 г.), обнаруженное в архиве Троице-Сергиевой лавры, где оно, скорее всего, и было составлено². Оно отличается обилием библейских цитат, славянизмов и разнообразных приемов церковно-проповеднической риторики. Здесь и риторические вопросы, восклицания и обращения, и повторения одних и тех же слов или словосочетаний (для усиления впечатления), и различного рода книжные сравнения и метафоры, и искусственно составленные сложные слова — обычно имена существительные или прилагательные, например, гнусодеяния, сквернодобытие, многоискусные старцы, богодухновенные писания (стр. 372—373). Все это применяется составителями «Послания» с очевидной целью сделать речь более эмоциональной, произвести впечатление, подействовать на читателей или слушателей. Можно думать, что авторы имели в виду не только непосредственных адресатов, двух воевод, руководивших борьбой с интервентами, двух «ведущих» политических деятелей переживаемого момента, к которым было обращено «Послание» (что уже само по себе обязывало к высокому стилю), но и более широкий круг современников, достаточно подготовленных и искушенных в деле «книжного почитания».

Основная тема, содержание документа отчетливо и ясно определены в надписи на самом списке (на его обороте): «Послание двема князем Димитрием о соединении и любви». Однако конкретного содержания, фактов здесь нет. В послании слишком много так называемых «общих мест» (обличения беззаконий, рассуждения о возмездии свыше за грехи, призывы к

¹ СГГД, т. II, № 283.

² ААЭ, т. II, № 219.

покаянию), так что самый призыв к «соединению и любви» тонет в сплошной риторике.

После пространного высокопарного вступления идет обращение к «двум Димитриям», построенное на повторениях, чтобы усилить его эмоциональное звучание и острее подчеркнуть основную мысль: «Молим убо, молим вас, о благочестивии князи Димитрие Тимофеевичь и Димитрие Михайловичь! Сотворите *любовь* над всею Росийскою землею, призовите в *любовь* к себе всех *любовию* своею; поprite врага, ненавидящаго любви в человецех»... и т. д. (369; курсив мой. — А. Н.). Далее, на основании библейских цитат развивается тема любви: «О возлюбленнии богом! возлюбите бога и познайте сущаго бога, яко бог любви есть» (370), и авторы, с помощью «плетения словес», стараются охарактеризовать особенности, основные свойства любви: «Любовь долготерпит, благоствует; любовь не ревнует, не дерзновает, не превозношается, не безобразуется, не ищет своя си, не ярится, не мыслит злое, не радуется о неправде, срадует же ся о истинне, все приемлет, всему верует, все надеется, все терпит; любовь николи же отпадает, яко основанию и главе сущи всем добродетелем любви» (370).

Указывая на то, что все погрязли в грехах, авторы применяют затем ряд параллелей-противопоставлений, что должно было сильнее подчеркнуть плачевные результаты широкого распространения греха: «Кто убо от нас непричастен есть сим злым? Сего ради и вместо церкви божия храмина купли быхом, и вместо храма молитвы пещера разбойнича быхом, и вместо языка свята язык грешен, и вместо людей божиих люди исполнь прегрешения, и вместо семени свята семя лукаво, и вместо сынов божиих сыны беззакония» (374). Наконец, «Послание», используя широко распространенный словесный риторический штамп, с пафосом восклицает: «Кто убо не возплатит нас, тако прилежащих? кто не възрыдает нас, тако запустевших? кто не восплатит толикое наше ослепление гордостное» — и далее вводит несколько современных черт, несколько намеков на действительность, правда, в общей, расплывчатой форме: «...яко предахомся в руки враг, беззаконных лютор и мерзких отступник латын, и неразумных и варварских язык татар, и округ борующих и обидящих нас злых разбойник и черкас?» (374).

Торжественный стиль с библейскими реминисценциями и цитатами встречаем также в отписке Прокопия Ляпунова пану Чернатскому¹ о совместных действиях против поляков (февраль 1611 г.). Чернатский предлагал Ляпунову свои услуги в борьбе против польских отрядов, разорвавших Русь, и Ляпунов, приветствуя его намерение, сопоставлял его с Моисеем: «... Яко ж и древле великий Моисей изволил с людьми бо-

¹ АИ, т. II, № 319.

жыми страдати, нежели имети временную греха сладость: тако и вы, по апостолскому гласу, не плотского господина (короля Сигизмунда. Курс. — А. Н.), но вечного владыки ищите волю творити, тщаетеся по правде поборники быти, видя полского короля неправое востание на Московское государство и всемирное губителство в настоящее сие время»... Далее говорится о пролитии «крови неповинной» «неискусозлобивых младенец», приводятся библейские цитаты (375—376). Эти цитаты и библейские реминисценции не только в данном случае, но и во многих других документах (особенно гражданского, светского происхождения) являются выражением известной литературной «отделки» произведения; они служили и средством доказательства, подкрепления авторской мысли и в то же время должны были сделать речь более эмоциональной и выразительной, украшали ее.

В связи с только что рассмотренными документами следует отметить, что в практике деловой переписки начальных десятилетий XVII в. нередко были случаи, когда грамота, послание, обращенные к определенным адресатам, к одному лицу, имели своей задачей воздействовать на более или менее широкие круги, на общественность. Именно такими и являются, можно думать, рассмотренные выше «отписка» Прокопия Ляпунова пану Чернатскому и послание из Троице-Сергиевой лавры князьям Пожарскому и Трубецкому.

Как видим, использование риторических приемов, характерных для украшенного, витиеватого стиля торжественных слов и житий XV—XVI вв., помогало составителям различных документов начала XVII в. идеализировать, возвеличивать личность и деятельность тех представителей высшей власти, к которым они обращались как просители, верноподданные или идейные позиции которых они разделяли и деятельность старались оправдать и поддержать.

Однако этот риторический, украшенный стиль встречается не только в случаях непосредственного обращения к представителям высшей власти (светской или духовной), а и тогда, когда о них рассказывается, говорится в третьем лице, когда речь идет вообще о каких-нибудь важных вопросах или событиях, а также тогда, когда документ бывал адресован не одному лицу, а коллективному адресату: жителям города, области, нескольким городам, членам посольства, всему русскому народу и т. д. (например, грамота князя Пожарского вычегодцам, окружная грамота Троице-Сергиева монастыря во все русские города, воззвание патриарха Гермогена к русскому народу, грамота митрополита Филарета в Устюжский собор).

Среди огромного количества документов подобного рода следует выделить хотя бы некоторые и в первую очередь — грамоту патриарха Иова митрополиту Гермогену от 15 марта

1598 г. об избрании Бориса Годунова на царство¹. Эта грамота представляет собой настоящее литературное произведение, развернутое повествование в высоком стиле, излагающее подробно историю избрания на царство Бориса, местами даже драматизированное, с приведением речей действующих лиц. Кое-где встречаются обычные для произведений подобного рода литературные штампы: когда высшее духовенство призывало Бориса на царство, он «непреклонен бысть к молению нашему, яко крепкий адамант, отрицашеся, и с великим прещением и со многими великими слезами нам отказал» (145); (Курсив мой. — А. Н.); «великая государыня... царица и великая княгиня Александра (в миру—Ирина, сестра Бориса Годунова.—А. Н.) и брат ее... Борис Федорович к молению нашему, яко крепкая адаманты, никакож быша приклонны и, по нашему прошению, не восхотеша нас пожаловати» (146). Тогда все «били челом» иноке Александре Федоровне «со слезами, на мног час падши перед царским ногама ея со всем освященным вселенским собором, и з бояры и с толиким всенародным безчисленным множеством, с великим воплем и з слезным рыданием и стенанием, от всея душа глаголюща: «О милосердая царица»... и т. д. (146). В ответ на это царица-инока Александра, «слез многих исполнивися», произносит большую ответную речь, выдержанную в духе церковного красноречия, и в конце концов соглашается на избрание брата царем: «вземлете у меня едиnorodного брата моего на царство», «сей вам, в место наше, по прошению вашему государь буди... всеа Русии самодержец!» — «Мы ж, се слышав милосердый ея царский глагол, на землю падше, радостныя слезы от очию испутивше»... и т. д. (147). Плачет и сам Борис и обращается к сестре инокине с кратким словом: «и пад на землю, с великим слезным рыданием бил челом и глагола ей так: «Государыня благочестивая... яз у всемилостиваго бога... богородицы и у великих чюдотворцов молил... чтоб мне от твоего лица неотступну быти; а мне ныне от тебя... как отлучну быти?» (147). Сестра уговаривает Бориса — «не буди противен воле божию», все присоединяются к ее новому молению, и на этот раз Борис всеобщего «моления и вопля и слез и рыдания и стенания не презрел, пожаловал нас, не оставил сирых, восприял держати скифетр Московского царствия и всех государств Росийского царствия» (148).

Когда Борис Годунов возвращался в «царствующий град Москву», из монастыря, где находилась его сестра, «встретоша его за грады за каменными и за деревянным градом гости Московского государства и всех городов... всенародное многое множество христиан с подобающею царскою честию... с хлебы,

¹ СГГД, т. II, № 70.

и с соболями, и с позлащенными кубки и с ыными со многими царскими дары». Грамота подчеркивает здесь (как бы давая материал для благоприятной характеристики Бориса), что новый самодержец, «осмотрив толикое всенародное множество людей, умилосердився над ними, хлебы примати повелел милостивно, а соболей и кубков и иных царских даров (148) ни от единого ничесо ж не примаше» (149). Эта картина торжественного возвращения Бориса в Москву не только красочна, но и тенденциозна, рисуя и самого Бориса и ход его избрания в подчеркнуто благоприятном для нового царя тоне.

Такими же художественными приемами речи, таким же умелым их применением, такой же красочностью изображения отдельных картин отличаются и многие другие грамоты и воззвания эпохи «Смуты», создававшиеся в среде образованного духовенства видными представителями церкви. В этом отношении особенно выделяются патриотические воззвания и обращения к русским людям, вышедшие из Троице-Сергиевой лавры, где в составлении этих документов нередко принимали непосредственное участие и сам игумен монастыря архимандрит Дионисий Зобниновский и келарь Авраамий Палицын, — лица, пользовавшиеся в свое время широкой и вполне заслуженной известностью именно как книжные люди. Из грамот, связанных с их именами, наибольшей известностью пользовалась и пользуется так называемая «окружная грамота Троице-Сергиева монастыря во все российские города» от 6-го октября 1611 г.¹

Это — хорошо продуманное литературное произведение, написанное с соблюдением всех необходимых по тем временам приемов церковного книжного красноречия, проникнутое глубоким патриотическим чувством, местами — взволнованное, эмоциональное, бесспорно, оказывавшее большое воздействие на современников. Здесь очень образно и эмоционально показаны тот общий разброд, то «шатание» и смятение, которые охватили «общий народ христианский» (т. е. весь народ), когда и «самое сродное естество пресечется»: «отец на сына и сын на отца и брата воста, едиnorodная кровь в междуусобии проливалася» (577). Патриарх Гермоген изображен здесь как духовный вождь русских людей, борющихся за веру отцов, за свободу и независимость родины. Правда, составители грамоты не избежали и словесных штампов своего времени, называя, например, Гермогена «твердым адамантом» и «непоколе-

¹ СГГД, т. II, № 275. Содержание этой грамоты значительно (местами буквально) совпадает с «воззванием архимандрита Дионисия и келаря Авраамия к казанцам» от июля того же 1611 г. (ААЭ, т. II, № 190) и посланием тех же лиц к князю Пожарскому от апреля 1612 г. (ААЭ, т. II, № 202).

бимым столпом», но тут же они говорят, что его «со престола безчестне изринуша и во изгнание нужне затвориша» (578), и в этих словах сквозит искреннее и неподдельное сочувствие.

В грамоте громко звучит горячий призыв «*стати... обще заодно против предателей крестьянских*», нередко раздававшийся и в других многочисленных воззваниях того времени и постепенно обращавшийся в штамп. Но кульминационного пункта патриотического чувства и взволнованное красноречие достигают в том месте грамоты, где авторы, указывая на безчинства, творимые врагами-иноземцами и их пособниками из предателей русских, с пафосом задают ряд следующих один за другим риторических вопросов, самое нагромождение которых должно было усиливать впечатление, повышать эмоции читателей или слушателей:

«Где святые церкви? Где божии образы? Где иноки, многолетними сединами цветущие, инокини, добродетельми украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием? Где народ общий крестьянский? Не все ли лютыми и горькими смертями скончашася? Где множество безчисленное во градах и в селех христианские чада? Не все ли без милости пострадаша и в плен разведени быша?» (579).

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что искишенные в книжном деле составители грамоты не ограничиваются обычными риторическими вопросами, а прибегают к своеобразному приему, так сказать, «двойных» или «удвоенных» риторических вопросов с целью усилить впечатление от них, когда на поставленный риторический вопрос тут же дается и ответ, но опять таки в форме нового риторического вопроса. Сравним в только что приведенной цитате: «Где святые церкви?... Где иноки...? — Не все ли до конца разорено...?», «Где... христианские чада? — Не все ли... в плен разведени быша?».

Доведя такими вопросами чувство читателя до крайнего напряжения, авторы грамоты далее как бы подводят итог и в более спокойной утвердительной форме сообщают, что враги не пощадили ни глубоких стариков с их сединами, ни сосущих материнскую грудь младенцев. Вся же эта тирада заканчивается новым риторическим вопросом с метафорическим оборотом: «Не все ли изпиша чашу ярости и гнева божия?» (579).

Высокое мастерство в создании ярких, красочных, волнующих образов и картин, несомненно, воздействовало на настроения, мысли и чувства современников. Высокой оценке данной грамоты со стороны изобразительности, художественности ее речи не мешает и то, что в ней неизбежно встречаются некоторые стилистические штампы того времени, что насыщенные эмоцией риторические вопросы, может быть, в какой-то мере навеяны воздействием литературной традиции, восходящей в конце концов к нарисованным с такой силой у Серапио-

на Владимирского (3-е «слово» картинам татарского нашествия¹.

Не удивительно, что, отдельные места этой грамоты, как уже было сказано выше, сами авторы использовали и в других документах, иногда буквально повторяя их. Так, например, говоря в послании князю Пожарскому о необходимости избрать государя, архимандрит Дионисий и Авраамий Палицын сперва прибегают к такому рассуждению-сравнению: «может ли и великая хижица без настоятеля утвердиться, и может ли град без властодержателя стояти, не токмо что такому великому царству с окрестными странами без государя быти?»² — а затем подчеркивают, что и нынешнее «разорение в Московском государстве и во всех окрестных странах Российского государства» именно «без государя царя учинилося» (352). А дальше они непосредственно переходят к известным уже нам риторическим вопросам: «Где святые божии церкви»... и т. д., кончая «ссущими млеко младенцами» и «чашей ярости гнева божия»³.

Очень распространенным в грамотах является трафаретный риторический вопрос типа «кто не восплачет, кто не возрыдает?», встречающийся в самых разнообразных вариациях на протяжении многих лет, например:

в грамоте митрополита Филарета устюжскому соборному протопопу от 30 ноября 1960 г., после рассказа о злодеяниях Григория Отрепьева: «И видя такое злое начинание, кто тогда от православных не восплакал или кто не возрыдал...?»⁴;

в соборной прощальной грамоте патриархов Гермогена, Иова и др. от февраля 1607 г., после подобного же рассказа об Отрепьеве: «И таковое злое начинание его видево, кто от правоверных крестьян к человеколюбивому богу не восплакал и кто от жалости сердечныя не возстонал?»⁵;

в воззвании патриарха Гермогена к русскому народу по поводу «сведения» с престола Василия Шуйского (датировано 1611 г.): «и вся состави мои содрогают, и плачуся, глаголю и рыданием вопию», а несколько далее: «кто о сем не удивится или кто не восплачет?». Тут же после библейских реминисцен-

¹ «Где святые церкви?» — у Серапиона: «Разрушены божественныя церкви»; «Где множество ...христианские чада? Не все ли... в плен разведени быша?» — у Серапиона: «множайша же братия и чада наша в плен ведени быша»; «Не пощадиша... престаревшихся возрастом... и не сжалишася на ссавших млеко младенцев» — у Серапиона: «язык не щадящъ красы уны, немощи старецъ, младости детин». См. Е. В. Петухов, Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прибавление к исследованию, стр. 8.

Ср. в указанной статье В. В. Данилова, ТОДРЛ, т. XI, стр. 217.

² ААЭ, т. II, № 202, стр. 352.

³ Вариант этих риторических вопросов см. еще в Окружной грамоте москвичей и Воззвании московских людей января и февраля 1611 г. (СГГД, т. II, № 227; ААЭ, т. II, № 176).

⁴ ААЭ, т. II, № 58, стр. 130.

⁵ ААЭ, т. II, № 67, стр. 155.

ций о бедствиях иудейского народа, о разорении Иерусалима составители грамоты восклицают: «вы же сему ли ревнуете? сего ли хотите, сего ли жаждаете?», повторением синонимических вопросов стараясь усилить впечатление¹;

в послании из Троице-Сергиевой лавры князьям Трубецкому и Пожарскому 1612 г., после рассказа о бедствиях русской земли: «кто убо не возплачет нас, тако прилежащих? кто не возрыдает нас, тако запустевших? кто не восплачет толикое наше ослепление...?»²;

в грамоте московских бояр в Кострому и Ярославль от 26 января 1612 г.: «А ныне, видя нашу беду и конечное разорение Московскому государству и меж нас нестроеные и несовет, и межусобые, хто не подивитца и не восплачет и не возрыдает?»³.

Но есть немало риторических вопросов и не трафаретного, не шаблонного характера, где самый прием вопроса применен к определенному конкретному содержанию грамоты, а не является ничего не говорящим «общим местом». Вот несколько таких примеров:

в только что цитированной грамоте московских бояр в Кострому и Ярославль, после упоминания о «ворах»-самозванцах: «и такими воровскими государи крепко ли Московское государство будет, и кровь крестьянская литися и Московское государство вперед пустошится престанет ли? И на чьих душах та невинная кровь бедных крестьянских простых душъ, взыщется? И что за души свои в день страшного христова пришествия ответ можете дати, кому крест целуете и кого государскими детьми называете?» (585);

вопросы-обращения в грамоте царицы Марфы Федоровны Нагой о сохранении верности Василию Шуйскому (август 1606 г.): «А ныне яз слышу... многую злую смуту... а говорите деи, что тот вор был прямой царевич сын мой, а ныне будто жив, и вы как так шатаетесь? Чему верите врагом нашим... и своих злопагубных для корыстей? Как вас не уверят многочисленныя мощи сына моего царевича Дмитрея Ивановича и царские грамоты и приказ...?»⁴;

в ответах литовско-польских послов московским послам конца ноября 1615 г.: «И вы великие послы можете розсудить; от кого Московскому господарству пустота и розорение учинилося, от нас ли, кои на кровь не дерзали, или от вас, которые крови жаждали? а за свое здоровье кто не стоит?»⁵;

В заключение настоящего раздела следует указать, что в ряде грамот, написанных в основном торжественным, высоким

¹ ААЭ, т. II, № 169, стр. 287.

² ААЭ, т. II, № 219, стр. 374.

³ СГГД, т. II, № 277, стр. 585.

⁴ СГГД, т. II, № 149.

⁵ АЗР, т. IV, № 209, стр. 486.

стилем, в духе старой книжной традиции, встречаются и некоторые стилистические перебои—настоящее вторжение более простой разговорной речи, иногда даже народных слов и оборотов. Это вполне естественно и закономерно в условиях развития литературы XVII столетия, когда проникновение народной стихии в книгу, известная демократизация и содержания и стиля книжных литературных произведений давали себя знать все больше и больше. То же происходило и в речи, в стилистике грамот, вообще деловых документов.

Так в воззвании патриарха Гермогена о сведении с престола Василия Шуйского¹ говорится о том, что народ без основания обвинял Шуйского в различных тяжелых проступках и, в частности в том, что он «побивает» и «в воду сажает» дворян, детей боярских, их семьи, и притом тайно; что он погубил уже две тысячи человек. Воззвание спрашивает, как же можно было сделать это тайком? — «в каково время и на кого именем пагуба сия бысть? им же ни единого по имени от толикого числа объявшим нам и учили говорити: и топере де повели многих нашу братию сажать в воду, за то де мы стали. И мы их спрашивали: кого именем повели в воду сажати? и они сказали нам: послали де мы ворочать их, ужо де сами их увидите...» (289) — В дальнейшем изложении снова преобладает торжественный риторический стиль.

Нечто подобное встречаем и в грамоте смольнян в Москву от января 1611 г.² Начинается она в торжественном стиле, с применением риторических вопросов: «не поругана ли наша крестьянская вера и не разорены ли божия церкви? Не сокрушены ли и поруганы злым поруганьем и укоризною божественныя иконы и божие образы? Все то зрят очи наши. Где наши головы, где жены и дети, и братья и сродницы и друзи? Не остались ли есмь от тысячи десятой, или от ста един, токмо единою душею и со единым телом?» (493). Как видим, это еще один вариант к приведенной выше серии однотипных риторических вопросов, но дальше идет более простая речь, обычное повествование:

«Пришли есмь из своих разоренных городов и из уездов к королю, в обоз под Смоленск, и живем туто немало, иной и больше году живет, иной мало не год, чтоб нам выкупить от плену, из латынства и от горкия и смертныя работы, бедных своих матерей и жен и детей, и никто не смилуется и никто не пощадит; а многие из нас ходили в Литву, в Польшу, и для своих матерей и жен и детей, и те свои головы потеряли, и собрано было христовым именем окуп, и то все разграблено, и никто, ни един человек от всех литовских людей, [не сжалился] над бедными над пленными людьми, над православными: кре-

¹ ААЭ, т. II, № 169.

² СГГД, т. II, № 226.

стьяны и беззловивыми младенцы, и вси порабощены смертною работою»... (494—495).

В дальнейшем изложении местами речь снова принимает более книжный характер. В целом же для этой грамоты, писанной от лица смольян, терпевших бедствия и в осажденном Смоленске и под его стенами и в разоренной врагами Смоленской области, типично соединение традиционного книжного стиля с более простым, приближающимся к народной разговорной речи (ср., например, в дальнейшем тексте такие обороты: «королевич де нам не государь», «такие де свои слова патриарх... от себя писал» и т. п.)¹.

Как видим, грамоты, в большей или меньшей степени связанные с кругами духовенства или с видными представителями светской власти, писались обычно в духе церковно-книжного красноречия; они отличаются богатством и разнообразием художественно-выразительных средств книжной речи своего времени. Доводя в отдельных случаях это книжное «витийство» до высокого совершенства, составители грамот умели соединять его со своим взволнованным патриотическим чувством, наделять живыми эмоциями современности. Иной раз в грамотах встречаются старые, традиционные литературные обороты и образы, но уже с некоторыми попытками внести в них новые черты, взятые из окружающей действительности, а в некоторых случаях в торжественный, приподнятый стиль официальных документов прорывалась и живая, яркая и меткая разговорная речь со своим особым строем и своей будничной лексикой.

II. ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ (рассказ)

В подавляющем большинстве различные грамоты и другие документы рассматриваемой эпохи являются памятниками деловой письменности, и это вполне естественно, так как в основном они были продуктом деятельности огромного государственного аппарата, светской и духовной администрации, в один из самых напряженных периодов русской истории. Эти деловые документы в большинстве случаев выливались в повествовательные формы изложения, что опять-таки вполне естественно и понятно. Однако нередко в деловую повествовательную речь документов вкраплялись черты живой, образной, эмоциональной разговорной речи, выпадавшие из общего канцелярского тона, звучавшие уже по иному и придававшие документу известный оттенок литературности. Нередко грамоты вводили в свое изложение прямую речь упоминаемых в них лиц, диалоги, как бы драматизируя рассказ, вводили отдельные бытовые сцены или целые эпизоды бытового характера, излагали некоторые

¹ Мнимость смоленского происхождения этой грамоты была показана С. Р. Платоновым в статье «О двух грамотах 1611 года» (в кн.: Сборник статей в честь И. В. Помяловского... СПб., 1897, стр. 137—140).

эпизоды из жизни упоминаемых лиц, иногда пытаясь даже дать характеристику того или иного лица, раскрыть его внутренний облик. В таких случаях речь документов становилась более живой, образной, эмоциональной, в ней более или менее ясно проступали элементы сознательной украшенности, литературности, к которой стремились составители документов.

В дальнейшем в качестве иллюстративного материала будут приведены и рассмотрены:

1) извлечения из рассказов информационного характера, отдельные эпизоды, изложение простой, деловой, но местами живой и образной речью, с пересказом чужих слов; обычно это донесения боярам, воеводам или самому царю различных подчиненных лиц (приказных дьяков, подьячих, воевод);

извлечения из рассказов с преобладанием элементов исторического повествования (такого же происхождения);

2) отдельные рассказы живого, непринужденного характера, отличающиеся образностью и простотой речи, в официальных документах и письмах;

чисто литературные вставки, внесенные в документ со слов других лиц;

3) отдельные попытки дать в изложении характеристику действующих лиц.

1. Повествование обычное и историческое

В повествовательных частях донесений, отписок и т. п. изложение ведется обычно простой, деловой речью, не лишенной в то же время во многих случаях известной образности, живости, эмоциональности. Нередко в повествование вводится передача чужих слов, иногда в прямых диалогических конструкциях, чаще же с переключением их в косвенную речь. Эти повествовательные части документов, как правило, значительно беднее на словесные украшения (особенно книжного характера), чем рассмотренные выше образцы торжественного риторического стиля, связанного с церковно-ораторским искусством и его традициями.

Так, например, воевода Андрей Воейков после сражения с войсками Кучума отправил царю Борису Годунову грамоту¹, в которой живо и образно сообщалось: «А про Кучюма... царя языки многие сказывают, что Кучюм в Оби реке утоп, а иные языки сказывают, что Кучюм в судне утек за Обь реку».... Сам Воейков «плавал на плотках за Обь реку» — «и Кучюма царя за Обью рекою, по лесам в крепях и по островам на Оби реке искал и нигде его не нашел» (3).

В другой грамоте, от 17 октября 1598 г.² Воейков сообщал

¹ АИ, т. II, № 1, 4 сентября 1598 г.

² АИ, т. II, № 5.

дополнительно: «Посылал я, холоп твой... с Кучюмова побюю, сибиряка кучюмова сеита... проведывать про Кучюма царя, жив ли он или утоп; и будет он сеит Кучюма сышет, и я... велел говорить Кучюму царю. чтоб он к тебе, к государю, ехал служить, а ты, государь, его пожалуешь своим царским жалованьем, и детей его и жон пожалуешь, велишь ему отдати» (стр. 7). И далее, со слов сеита, после его «роспроса», Воейков доносил Борису Годунову, что «утек деи Кучюм с бою в судне, вниз по Оби реке, сам третей, в кою пору дети его и люди бились со мною, холопом твоим» (там же).

В этих «отписках» бросается в глаза живая разговорная речь без книжных риторических прикрас. Очевидно, оба документа вышли из рук одного и того же писца, хорошо грамотного и вместе с тем хорошо владевшего народной разговорной речью.

Более сухо, чисто по-деловому сообщается в другом документе — о приеме Степаном Степановичем Годуновым новгородского князя Иштерека: ¹, «И того ж дни Иштерек князь ввечеру был на дворе у окольникового Степана Степановича, а за ним было татар его человек з 20, а приезжал в санех; и приехав к окольниковому к Степану Степановичу на двор, высел из саней у лесницы. И как Иштерек князь вшол в ызбу, у дверей встретили его диаки... а серед избы встретил окольниковый Степан Степанович» (93).

Здесь, повествование не выходит за рамки тех официальных штампов, в которых обычно излагается рассказ о приеме иностранцев.

Столь же по-деловому, простым языком изложен эпизод о ранении князя Федора Мстиславского в разрядной записи конца 1604 г. ²: 21 декабря 1604 г. «было государевым бояром дело» у Новгород-Северска «с вором с Ростригою». В этом бою был ранен Федор Иванович Мстиславский. Ему было велено передать от имени Бориса Годунова и царевича Федора: «слух де нам дошол, что де у вас, бояр наших и воевод, было дело с крестопреступники с литовскими людьми и с Ростригою... и на том деле тебя, боярина нашего, во многих местех по голове ранили; а бояре наши... о том к нам не писали, коим обычаем у вас дело делалось». Царь благодарит Мстиславского за то, что он, помня крестное целование, «пролил кров свою»... «за нас» и всех православных христиан. «И мы тебя за твою прямую службу пожалуем великим своим жалованьем, чево у тебя на уме нет» (196).

Однако, как уже говорилось, нередко и официальные деловые документы ведут свое изложение сравнительно живо, без канцелярской сухости. В боярском приговоре о беглых крестьян-

¹ ЧОИДР, 1918, кн. 1; 22 ноября 1604 г.

² ЧОИДР, 1907, кн. III.

нах от 1 февраля 1606 г.¹ читаем, что если кто из крестьян в голодные 1601—1603 годы пошел в холопы к своему или другому помещику, а «старые их помещики или вотчинники учнут их вытягивать из холопства по крестьянству», «тем исцам отказывать: в голодные лета тот помещик или вотчинник прокормить его не умел, а собою он прокормиться не в мочь, и от бедности, не хотя голодную смертью умереть, бил челом в холопы, а тот его принял, в голодные годы прокормил и себя истощил, проча себе, и ныне того крестьянина из холопства во крестьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лета прокормил» (96). Здесь обращает на себя внимание простая, безыскусственная речь, одинаково понятная, доступная обеим сторонам — не только помещикам-вотчинникам, но и отошедшим от них в холопы крестьянам.

Отписка ярославцев к пермичам (июнь 1609 г.²) воспроизводит образную речь «воров», которым необходимо было переправиться через Волгу: «а говорят деи воры: хотя б деи нам добиться малых судков с десятков, и мы б деи зашедши сверху перевезлися в них через Волгу пехотою, человека по два и по три» (232). И дальше, говоря о военных столкновениях с «ворами», тот же документ отмечает: «и у воров деи, господа, из Ипатского монастыря безпрестанная вылазки в день и в ночь, и у них деи зелья и свинцу исходит на драках много» (223). В обоих случаях речь документа при всей своей простоте образна и звучит эмоционально.

Любопытные образцы живого повествования, рассказа, с введением диалогов в простую речь, встречаем иногда среди делового и сухого в большинстве случаев изложения статейных списков. Приведу здесь два примера из статейного списка Григория Микулина, относящиеся к 1601 г. и рассказывающие: один—о «столе» у королевы Елизаветы английской, а другой—о «потехе» королевниной в день годовщины ее восшествия на престол³.

«А как у королевны стол шел, и перед нею играли во многие игры многие игрецы. А как у королевны стол отшел, и королевна из-за стола встала и почала умывать руки и, умыв руки, велела серебряник с водою поднести Григорью; и Григорей на королевнине жалованье челом бил, а рук не умывал, и говорил: «Великий государь наш, царское величество, Елисавет-королевну зовет себе любительною сестрою, и мне, холопу его, при ней рук умывать не пригодитца». И королевна почала быть весела и Григорью то похвалила, что ее почтил, рук при ней не умывал»⁴.

¹ ААЭ, т. II, № 40.

² ААЭ, т. II, № 125.

³ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. Изд-во АН СССР, серия «Литературные памятники», М.—Л., 1954.

⁴ Путешествия русских послов..., стр. 177—178.

«И тогож дни [17 ноября] Григорей и Ивашко у королевны были. И как вошли а королевне в палату, и королевна Григорья и Ивашка спрашивала о здоровье и говорила Григорью: «Сего деи дни праздную яз тому дни, в которой день села яз на королевство, и яз деи для того велела вам сего дни у себя быти, и очи свои видети, и потехи своей смотрити». И велела Григорью и Ивашку стояти у себя в полате и смотрити потехи от себя ис полаты. И Григорей и Ивашко королевнину потеху видели, как перед нею билися, съезжаясь меж себя, князи и боярские дети, и дворяне в полных доспесех на армагацех и на жеребцех древцы... А как потеха миновалась, и королевна велела Григорью и Ивашку ехати к себе на подворье, а лорд Винзор и князь Еремей Боус провожали до подворья»¹.

Как видим, статейный список с отчетом о посольстве Г. И. Микулина в Англию в 1600—1601 гг. в отдельных своих местах дает свободный, непринужденный рассказ о том, как действовали и как вели себя русские дипломаты за рубежом. Рассказ этот в достаточной мере «литературен», причем второй из приведенных отрывков своею лексикою, фразеологиею и общим тоном напоминает отчасти известные повести петровской и послепетровской эпохи.

Образное, живое повествование о событиях находим в ряде донесений, посылавшихся московским царям русскими представителями при «крымских гонцах», приезжавших в Москву и возвращавшихся на родину. В них нет никаких риторических прикрас, приподнятого тона, тяжеловесно-торжественных конструкций. Рассказ-донесение о поведении «крымских гонцов», о различного рода недоразумениях и конфликтах с ними—ведется просто, живой разговорной речью, местами образно и эмоционально.

Например, 17 марта 1606 г. татары, поившие лошадей, «подрались с новосильскими стрелетцкими ребята», и «гонец Ишказы поколол стрелетцкого... батрачка Сеньку ножом», а «втапоры видел сын боярской... Шеин, как тот татарин стрелетцово батрачка поколол». О «таком великом воровстве и непослушании от татар» было сообщено их начальнику Ян-Ахмет-Чилибею, и Чилибей «того... татарина сам бил ослопом», а на другой день «прислал... тово татарина Ишказу ко мне на дворишко и велел его бити передо мною батоги татаром, и бив батоги велел ево отдать в твою царскую волю»².

В другом донесении говорится, что казаки и стрельцы, вопреки царскому указу, не захотели давать сена для татарских лошадей: «сен мне, холопу твоему, крымским гонцом не дали, а меня, холопа твоего, лаели и бещестили: казак Устин Губян

¹ Путешествия русских послов..., стр. 172—173.

² ЧОИДР, 1918, кн. I, стр. 249.

замирался бить ослопом, а стрелец... Лихошерстов меня, холопа твоего, лаел матерна»¹.

Столь же откровенно и красочно доносил приставленный к гонцам Василий Коробьин о других столкновениях с татарами или о недоразумениях, возникавших в связи с их своеобразной «охраной»; так, в ответной к нему царской грамоте от 18 ноября 1606 г. читаем: «Да ты ж к нам писал, что октября в 25 день приехал к тебе к стану мецнянин сын боярской Иван Черемисинов пьян, и ты ему говорил: прочто он ездит, не сказався, по татарским станом? а по нашему указу с татарами съезжаться им не велено; и тот деи Иван Черемисинов тебя лаел матеры и всякую неподобною лаею позорил»².

Повествовательная речь «просительных» документов (челобитных и др.) имеет свои отличительные черты, связанные с самым характером и назначением каждого данного документа. Один из излюбленных приемов в «просьбах»-челобитных — употребление уменьшительных форм имен существительных, подчеркивающих бедность, зависимое состояние, потребность в помощи, вообще — известную «неполноценность» самого просителя, членов его семьи, его хозяйства. Цель этого приема — разжалобить адресата, вызвать его сочувствие и помощь. Так, например, в конце 1608 г. дворцовые крестьяне Переяславского уезда жалуются в своей челобитной Лжедмитрию II на бесчинства, которые они терпят от «ратных загонных людей»³: «и нас, сирот, твоих, бьют и пытаются розными пытками из денег, и животишка наши, лошади, и быки, и коровы, и кабаны, и овцы, и всякую животину и платье поимали, и женишок наших и дочеришок емлют на постелю силно и позорят, а иные девки и жонки, со страсти, по лесом, в нынешнюю зимнюю пору от стужи померли» (149).

Как видим, челобитная старается воздействовать на «царя» не только сообщаемыми фактами, но и самой их «подачей»: с этой целью для усиления впечатления вводится подробный перечень «всякой животины», которую грабят у крестьян, и применяются уменьшительные формы: животишка, женйшок, дочеришок.

Этот же прием (употребление уменьшительных форм имен существительных) встречаем в очень просто написанной челобитной Архангельского монастыря, буквальные выписки из которой приведены в ответной грамоте Василия Шуйского от 2 мая 1610 г.:⁴ «а монастырь де местечко убогое, и от тое де хлебныя недороды многие де крестьянишка из монастырских деревнишек вон бредут и наше де богомолье, монастырь, пустует и

¹ ЧОИДР, 1918, стр. 230—231; 7 января 1606 г.

² Там же, стр. 212.

³ АИ, т. II, № 121.

⁴ ААЭ, т. II, № 158.

старцы де из монастыря вон бредут скитаться по миру, от хлебных недороды и от наших великих податей» (271).

Подобных примеров, особенно из челобитных, можно было бы привести много.

Очень многие документы, говорящие об исторических событиях, целиком или в отдельных частях имеют особую стилистическую окраску, в них преобладают и дают себя чувствовать элементы исторического повествования, исторический колорит. Но в них есть и различия, зависящие и от содержания документов и от того, кто их писал.

В послании архимандрита Дионисия и келаря Авраамия к князю Пожарскому от 12 апреля 1612 г.¹ находится сжатый рассказ о недавних событиях в жизни государства: Михаил Салтыков и Федор Андронов с советниками, польскими и литовскими людьми «Московское государство выжгли и людей высекли, и святыя божия церкви и образы до конца разорили и опоругали, и твердаго адаманта и непоколебимаго столпа, паче подобно рещи нового исповедника святейшего Ермогена патриарха Московского и всеа Руси со престола безчестне изринуша и во изгнании нужне уморища, и безчисленную крестьянскую кровь розлили» (351). В этом небольшом отрывке мы видим и общий упор на интересы духовенства, церкви, и традиционные хвалебные эпитеты по адресу патриарха Гермогена, и сожаление о нем и обильно пролитой христианской крови.

Несколько иначе звучит подобный рассказ в «известительной грамоте из Ярославля в Казань» от начала марта 1611 г.² Здесь речь более простая, без украшений, хотя порой и сбивается на книжную и использует некоторые трафареты:

«...и сказали нам те приежжие люди, что вам ничего того неведомо в Казани, потому что Казань от Москвы место далное. И мы вам не от одного Ярославля пишем, а объявляем вам всему миру, что здесь делается; а и самим вам ведомо, как, по грехом, литовские люди московских людей обманули... а оне злодеи безбожные, нечестивые, оманув крестным целованьем, Москвою и города завладели, и всех болшы московские люди поверили злодеем и еретиком, предателем веры крестьянские, гореще неверных, Михайлу Салтыкову с сыном с Ываном, да Федору Ондронову с товарищы... А оманки их всей православной вере не исписати...» (517). Московских людей грамота сравнивает с овцами: «а московским людем бедным, как есть овцам, ни с каким оружием и в руках носить не велели и учинили в работе; а король стоит под Смоленским и послов засадил и бьет по городу безпрестани, кровь крестьянскую проливает и всяким людем чинит тесноту смертную» (518). Говоря о «тесноте руским людем», которой «нелзе исписати», грамота подчеркивает, усиливает впечатление от этой «тесноты»

¹ ААЭ, т. II, № 202.

² СГГД, т. II, № 241.

повторением синонимических слов в восходящей степени: «все православные крестьяне... в смертной скорби *сетуют* и *плачут* и *рыдают*», с часу на час ожидая смерти (там же). В дальнейшем, останавливаясь на твердости и мужестве славных защитников Смоленска, составители грамоты сумели освежить и традиционный оборот «стать на смерть», придать ему новое, более эмоциональное звучание (об этом — дальше).

О героической защите осажденного поляками Смоленска рассказывает «отписка смольнян», датированная 8 октября 1609 г.¹ Чтобы подчеркнуть, как тяжело приходилось населению и защитникам от артиллерийского обстрела, авторы несколько раз говорят о том, как враги «били» по городу:

«А уже у нас в Богословской башни верх сбили, бьют по изподнему бою; как сьбуют, и у нас будет большой приступ... А в город король пишет прелестная грамоты почасту, а по городу бьет безотступно... и они после того и пуши стали по городу бити и по хоромом, а *ходят пушки* из-под Покровской горы к Молоховским воротам» (214).

Подчеркнутое образное выражение «ходят пушки», возможно, создано в духе старинной персонифицирующей метонимии, давно ставшей традиционной юридической формулой — «куда топор ходил, куда коса ходила» (о ней дальше). К сожалению, трудно сказать, является ли трафаретной формулой и выражение «ходят пушки», так как это — единственный встретившийся случай.

К стилистике воинских повестей приближается «отписка» Троицкого воеводы князя Долгорукого Авраамия Палицыну², где он рассказывает об отражении приступа Сапеги:

«...пришел с великим вооружением, уготоваяся, с верховым боем огненным, и с щитами, и с лесницами, и с проломными ступами, к воротам, со все четыре стороны; с первого часу ночи да до отдачи ночных часов, чрез всю ночь, на приступех билися дворяня и дети боярские, и слуги монастырские, и стрелци, и казаки, и всякие осадные люди» (287).

Правда, здесь многие старые формулы воинских повестей в связи с изменением военной техники, уступили место новым выражениям и оборотам, но общий характер рассказа, бесспорно, сохраняет связи с традиционными приемами воинской повести.

Те же особенности (старые и новые черты стилистики воинских повестей) можно отметить в «отписке» из Ярославля о его осаде «ворами» и «литовскими людьми» в мае 1609 г.³ После измены монастырского служки Гришки Каловского, который открыл ворота и «воров в острог пустил»,

«воры, вшедчи в острог, посад зажгли... а мы... с достальными людьми сели в меньшем остроге в рубленном городе и в Спас-

¹ АИ, т. II, № 354.

² АИ, т. II, № 242; июль 1609 г.

³ ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 40.

ском монастыре и из острогу с воры билися весь день... И мая ж против 4 числа в шестом часу ночи воры пришли к острогу со всеми людьми великими приступы с щиты и с огнем, смолсными бочками, с приметом и с вогненными стрелами, и мы с воры приступов бились до полудни и на вылазку выходили и на вылазках многих побили и живых поймали и щиты и приметы все и знамена и прапоры многие у них взяли и от острогу всех отбили...» (40).

Некоторые черты стиля воинских повестей проступают и в отписке от 11 февраля 1609 г. суздальского воеводы Плещеева, приверженца тушинского Самозванца¹; в ней он сообщает о поражении, которое суздальцы потерпели от войск Василия Шуйского: «и те воры (так он называет сторонников Шуйского А. Н.) многих городов понизовных, собрався, многими людьми пришли на нас со всех сторон, лыжники и конные... и бой, господине, у нас с ними в селе Дунилове был, с первого часу до обеда... и на бою, господине, казаки дрогнули, и дворян, суздальцов и лушан и иных побили, а иных ранили. И мы (сторонники Самозванца — А. Н.) отошли в Суздаль». Он жалуется, что воинов («людей») осталось мало, «и нам с теми людьми против государевых изменников (подразумеваются сторонники Шуйского. — А. Н.) стояти было не с кем» (178).

Само собой разумеется, что в документах рассматриваемой эпохи, говорящих о военных действиях восставшего народа против правительственных войск, о борьбе регулярных русских войск и народного ополчения против захватчиков-иноземцев, черты специфической стилистики воинских повестей в разных вариациях и разных дозах встречаются очень часто, и количество подобных примеров можно было бы значительно увеличить.

Типичный образчик записи «роспросных речей» представляет рассказ о приезде пелагонского митрополита Иеремии — в донесении Плещеева Борису Годуну от 16 января 1604 г.² Вот отрывок из него: «... у цысаря де, государь, крестьянского с турскими людьми о Мутьянской и о Семиградской земли была война, и ево де, государь, митрополита, в Мутьянской земли взяли в полон крымские люди и держали де... ево у себя неделю, И цысарьской де Семиградцкую и Мутьянскую землю взял войною, а на войне де убили Мутьянские и Семиградцкие земли державца Мигиляя, а сына Мигиляева в полон себе взяли; а ево де, государь, митрополита, цысарской у крымских людей отграмил. Да с ними же, государь, был поп да дьякон черные, и поп де, государь, и дьякон у крымских людей остались в полу» (37).

Здесь мы имеем пример исторического повествования с обычным для «роспросных речей» пересказом чужой прямой речи (конструкции с *де* или *деи*).

¹ АИ, т. II, № 153.

² ЧОИДР, 1918, кн. I.

Вот еще один такой пример исторического повествования о внешнеполитических событиях с помощью передачи чужих слов, чужого рассказа:

«сказывал терской жилец сын боярской Иван Морышкин, которых послан был... в Грузинскую землю к Олександру царю з грамотами... при нем деи, при Иване, вышли из Турские земли прошлые осени два полоненика, один русской человек, Ивашком зовут, бывал козак, а другой волошанин; и те де полоненики в вестех ему сказывали, что турской Магмет салтан неможет, лежит другой год, а во Царе де городе прошлые зимы 111-го году был великий голод и померли де з голоду много людей (по смете с 20000)... и его де до Грузии не допустили: снега пали великие ... и он де... живучи... в Кабарде... ободрался... и без лошадей стал»¹.

И в данном случае речь документа проста, близка к разговорному языку и широко использует обычные в таких конструкциях частицы *де* и *деи*.

Нельзя не заметить, что во многих приведенных выше цитатах из грамот и других документов (излагаются в них бытовые происшествия или политические события, внутренние и внешние) повествование ведется простым, близким к разговорному, порою образным и эмоциональным языком, то есть речью гораздо более «литературною», чем обычная деловая речь, сухая и небогатая выразительными средствами.

2. Живой, непринужденный рассказ; вставные эпизоды литературного характера

Нередко на страницах многочисленных официальных документов и немногих частных писем, сохранившихся от конца XVI и первых десятилетий XVII в., можно встретить не только деловой рассказ, историческое повествование, но и живой непринужденный рассказ о самых разнообразных событиях вплоть до каких-нибудь частных происшествий, упоминание о которых неожиданно влетает в деловую речь грамоты, отписки и т. п. Перед нами возникают порой живые бытовые сцены, жанровые картинки, набросанные живым, выразительным языком, приближающимся к народной разговорной речи. Здесь встретим и прямую речь тех лиц, о которых говорится, и обычные в документах конструкции с постоянно повторяющимися *де* и *деи*. В некоторых же случаях укоризны официальным лицам за нерадение сопровождаются бранными словечками, чуть ли не обращаются в своеобразную перебранку. Во многих таких случаях налицо не только живая образная речь, но и взволнованное чувство, эмоции.

¹ ЧОИДР, 1918, кн. I, стр. 288; 1 сентября 1603 г.

Так в рамках делового документального стиля зарождались и выработывались приемы бытового повествования, живого рассказа с определенными литературными чертами, с установкой на образную речь.

Ниже будет рассмотрено несколько групп таких примеров, где в рамках официального делового документа находятся своеобразные литературные вставки, литературные «оазисы».

Живой рассказ находим в отписке сотника Некрасова царю Борису Годунову, отправившему в ссылку своих политических противников — бояр Романовых. Некрасов сопровождал в ссылку Василия Романова и в своем донесении царю¹ очень картинно изобразил те условия, в каких ехал боярин Василий, его поведение в пути и привел некоторые жалобы и замечания ссыльного боярина:

«А дорогою, государь, едучи твой государев злодей и изменник (т. е. Василий Романов — *А. Н.*) со мною, с холопом твоим, ничего не разговаривал; толко, едучи, украл он у меня, на Волге, чепной ключь да и в воду кинул, для того, чтоб я его не ковал; и хотел у меня утечь, и я, холоп твой, и другой ключь прибрал, и на него чепь и железа, за его воровство, положил; и приехав в Еранской город со мною воровством говорил: «погибли де мы напрасно, без вины, ко государю в наносе, от своей же братьи; а они де на нас наносили не узнався, а и сами де они помрут вскоре, преже нас» (39)².

В «распросных речах, отобранных от московских выходцев в Тушинском стане»³, коротенькие, в несколько строк, записи дают очень яркое представление о том трудном положении, в каком находился Василий Шуйский еще за год до своего свержения. С выражением неудовольствия, с жалобами на трудности жизни, дороговизну к нему приходили и отдельные представители определенных групп москвичей и «всем миром»:

«А дети боярские и черные всякие люди приходят к Шуйскому с криком и вопом, а говорят: до чего им досидеть? хлеб дорогой, а промыслов никаких нет и ничего взять не где, и купити не чем» (249); «и сказывает, что всем миром к Шуйскому приходят и говорят: до чего де нам дойдет? голодную смертью помирать. И он де у них упросил сроку до Николина дня» (250).

С образной эмоциональной речью встречаемся в ответе Кучума царя на приглашение ехать служить московскому царю, хотя этот ответ приведен не прямо, а в отписке воевод А. Воейкова и других⁴.

¹ АИ, т. II, № 38; 1601—1602 гг.

² Этот отрывок с некоторыми изменениями, а местами буквально повторен в отписке Смирного Маматова о показаниях Некрасова «в роспросе», АИ, т. II, № 38, 1601—1602, стр. 41.

³ АИ, т. II, № 212; начало мая 1609 г.

⁴ АИ, т. II, № 5; 1598 г., 17 октября.

«И Кучюм деи с ним с сеитом приказал к нам, холопом твоим: не поехал деи я к государю, по государеве грамоте, своею волею, в кою деи пору я был совсем цел, а за саблю деи мне к государю ехать не по что, а нынеча деи я стал глух, и слеп, и безо всего живота: взяли деи у меня промышленника, сына моего, Асманака царевича; хотя бы деи у меня всех детей поимали, а один бы деи у меня остался Асманак, и яз бы деи об нем еще прожил; а нынеча деи я иду в Нагаи, а сына деи я своего посылаю в Бухары» (7).

Даже в такой словесной передаче «из вторых рук» чувствуется горе отца, у которого «взяли» любимого сына «промышленника», бывшего для него дороже всех других детей. Слова Кучума о сыне Асманаке-царевиче звучат взволнованно и скорбно.

В другой отписке — о содержании взятого в плен Кучумова семейства¹ — находится бытовая жанровая сценка, рисующая поведение казаков, входивших в охрану Кучумовой семьи: «И Пятуня (казак. — А. Н.)... пришел к царевичем пьян, ночи, со царевичем бранился и лаял царевичи матерны... да пришел к нам, холопом твоим, на подворье, ночи, сам друг с Обросимом с Евтихеевым, нас, холопей твоих, лаяли» (12). Из дальнейшего выясняется, что «и мурзам... от казаков теснота великая, а нас... не слушают, ходят всегда пьяни, воруют, к царевичем и ко царицам ходят бесчинно, а нас, холопов твоих, и атаманов не слушают: мы де вам не приказаны, таковы ж де мы, что и вы» (тама же).

Царская грамота Василия Шуйского в Пермь от 19 января 1609 г.² говорит об организации сбора и охраны хлеба:

«И под те запасы собрали посошных людей, с лошадми и с пошевнями, и с веретищи, и с ужицы, и со всею извозною снастью; а в посошных бы людех было семь человек плотников, со всею плотничьею снастью; а для береженья, у всяково б человека было на возу лук да стрелы, да по топору, да по рогатине» (199).

Здесь в нескольких словах достаточно выразительно, хотя должно быть и против желания составителей грамоты, показано, в каких условиях правительству Шуйского приходилось собирать «хлебные запасы» для выплаты жалованья служилым людям. В царских грамотах подчиненным лицам, даже занимавшим высокое положение (князьям, воеводам, боярам) не были редкостью довольно резкие укоры и попреки — за их нерадивость и оплошности по службе; эти упреки и даже бранные слова свободно вплетались в окружающую речь. Так, например, когда пермский воевода князь Семен Вяземский не достал подвод, а ямщики у него разбежались, Василий Шуйский коротко, но энергично высказал ему свое неудовольствие: «И ты, князь

¹ АИ, т. II, № 12; 12 января 1599 г.

² ААЭ, т. II, № 101.

Семен, то делаешь не гораздо, что над ямщики не смотришь и беглых ямщиков не сыскиваешь, а наше дело своею глупостью ставишь в оплошку»¹. А еще через месяц Вяземский снова получил от царя выразительный «нагоняй» за притеснения, которые он причинял приезжавшим в Пермь вятским торговым людям: «И ты то делаешь не гораздо, дуростью и воровством, норовячи пермичом по посулам, что их, вятских торговых людей, которые приезжают в Пермь... бьешь и мучишь без вины напрасно... И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед так не дуровал, вятских торговых людей... без вины напрасно не бил»².

В некоторых документах, начала XVII в. отразились также размолвки, несогласие, взаимные упреки сносившихся связанных собою городов, что нашло свое отражение не только в специальном подборе укоризненных и осудительных слов, но и в общем раздраженном тоне. Так, в декабре 1609 г. пермичи писали в Вятку о подозрительных действиях князя Михаила Ухтомского, который не помогал, а скорее мешал активной борьбе с «изменниками». Недовольство пермичей сказалось как на общем тоне, так и на отдельных выражениях их «отписки»³:

«а то нам кажется, что тот князь Михайло Ухтомский нарочно тех государевых изменников из Котельнича упустил, да и за ними не послал... И татарове де коринские... у того у князя Михайла Ухтомского, с государевыми с ратными людьми, на тех государевых изменников просились, и князь Михайло де их не пустил. И вы б, господа, на ту князя Михайлову дурость не смотрели и ратным бы есте людям со всея вятския земли велели быти в сборе... чтобы те государевы изменники на вас искрадом не пришли» (326—327).

Но и вятчане не остались в долгу и в том же декабре 1609 г. в своей «отписке» выдвинули ряд встречных упреков и укоризненных, бранных слов. Они упрекали пермичей в том, что те, имея достаточно ратных людей, не прислали их к Вятке, хотя и знали, что у вятчан «от воров разоренье великое»; «а которых было ратных людей к Вятке и послали, и вы их с дороги воротили, а к нам пишете, велите ссылатись с государевыми изменники. Свое возмущение вятчане выразили рядом укоризненно-бранных слов: «а вы к нам ныне писали самую глупостью, а не токмо что глупостью, пьянством»... «И мы на вашу глупость не смотрим, помним бога и свои души и государево... крестное целованье: с изменники ся не ссылаем, а над воры промышляем и против воров стоим... И вы б... глупость свою покинули», то есть скорее бы прислали ратных людей. Заканчивается этот вы-

¹ АИ, т. II, № 81, стр. 111; 23 июня 1607 г.

² ААЭ, т. II, № 78; стр. 171; 23 июля 1607 г.

³ АИ, т. II, № 271.

⁴ ААЭ, т. II, № 149.

пад довольно сильным словесным «аккордом»: «А что вам... сказывал Василей Тырков, и вы тому плутанью верите, а нашему писму ничему не верите: и вам бы самим таковым пьяным всегда быть, каков пьян был на Вятке Василей Тырков» (264).

Простая разговорная речь переписки двух городов по важному вопросу о борьбе с врагами родины местами переходит здесь в настоящую «словесную перепалку», сдобренную бранными выражениями. Но этим несколько необычным местам деловых документов нельзя отказать ни в образности, ни в эмоциональности.

Такая же простая и живая разговорная речь в официальной отповеди «сверху» дьяку Истоме Карташеву, который допустил отступление от давно принятых и прочно установленных процедур в отношении проезда в Москву иностранцев¹.

«И нам на князя Ивана Григорьевича Долгорукова (воеводу.—А. Н.) да на дьяка Путила Григорьева не диво: князь Иван молод, а Путило мужик простой, столко не знает. А диво нам на тебя, Истома Захарьич, что ты так учинил; ты бывал у государьских у великих дел и то тебе за обычаи, а ведаешь сам, какое ныне за грех наш в государстве нестроенье» (59).

Не остался без соответствующего начальственного попрека и «простой мужик» Путило: напомнив ему, что «и не в такое ро-стройное время» иноземных послов «без указу к Москве... не отпускивали», грамота заключала: «И то учинил ты, дьяк Путило, нераденыем, пьян» (60). Невольно обращает на себя внимание известная градация в упреках провинившимся, различие их «тональности»: бывалому приказному дьяку Истоме Карташеву всего лишь деликатно замечено.—«диво нам... что ты так учинил», а «простому мужику» дьяку Путиле, хоть он «столко не знает», без всяких церемоний сказано — «то учинил ты... нераденыем, пьян». Разница в общественном положении двух официальных лиц нашла свое отражение и в словесном оформлении тех служебных замечаний, которые они заслужили.

Особенный интерес в литературном отношении представляют такие документы, в изложении которых то в большей то в меньшей степени встречаются данные для характеристики упоминаемых в них лиц. Эти черты для характеристики «героя» бывают по-разному выражены и, конечно, в различных случаях не равноценны—среди них есть и более яркие, запоминающиеся черты и более тусклые, которые не так четко рисуют образ. Однако в отдельных случаях при чтении документов в нашем представлении отчетливо возникают образы упоминаемых там лиц, охарактеризованных красочно и глубоко.

Ниже приводится ряд таких отрывков из различных документов, где можно видеть попытки дать характеристику изо-

¹ ЧОИДР, 1915, кн. IV, стр. 59—60; 17 августа 1611 г. — о приезде в Архангельск и Переяславль Залесский англичанина Якова Шава.

бражаемых лиц, нарисовать их внутренний облик путем показа их действий, их отношения к другим лицам и событиям, путем приведения их высказываний.

Так, в пространной грамоте патриарха Иова от 15 марта 1598 г. об избрании на царство Бориса Годунова¹ последовательно подчеркиваются положительные качества Бориса. Он упорно отказывается от московского престола, не желая расставаться со своей сестрой инокиней. Даже когда сама сестра согласилась, чтобы Борис занял царский престол, он «пад на землю, с великим слезным рыданием бил челом и глагола ей так: «...яз у всемилостивого бога... молил, чтоб мне от твоего лица неотступну быти; а мне ныне от тебя... как отлучну быти?» (147). Он уступает только всеобщему «молению и воплю и слезам и рыданиям и стенаниям» (148). Как видим, для усиления впечатления составитель грамоты специально подобрал группу синонимов, которые в восходящей градации следуют один за другим (пять синонимов кряду!). Грамота намеренно подчеркивает, что при возвращении новоизбранного царя от сестры из монастыря в Москву, ему устроили торжественную встречу и подносили множество подарков, но Борис принял только хлебы, отказавшись от всех драгоценностей. Прекрасно зная, что содержание грамоты станет известно не только адресату, митрополиту Гермогену, но, при его поддержке и участии, самым широким слоям населения, сторонник Бориса Годунова патриарх Иов позаботился о том, чтобы в грамоте была дана самая благожелательная, самая положительная характеристика нового царя.

Очень живо и красочно охарактеризован в документах боярин Федор Никитич Романов, насильственно постриженный при Годунове в монахи, впоследствии митрополит Филарет, а затем и патриарх «всея Руси». О нем, время от времени, подробно доносил в своих «отписках» самому царю воевода Богдан Воейков.

В пространной отписке 25 ноября 1602 г.² Воейков сообщал, что «по государеву указу» он дал «старцу Филарету Романову скуфью и ряску и шубу новую... потому что старое платье издралось», а «государев изменник, старец Филарет Романов» говорил ему потом: «Государь де меня пожаловал, велел мне повольность дать, и мне б де стоять на крылосе» (50). Дальнейшие высказывания самого Филарета и других лиц о нем дают любопытный материал для характеристики этого видного исторического деятеля своего времени. Он очень недоброжелательно отзывался о «государевых боярах» и, по словам Воейкова, о них «в разговоре говорил»: «бояре де мне великие недруги, искали де голов наших, а иные де научали на нас говорити людей наших, а я де сам видал то не единожды» (51). По словам приставленного к Филарету «малого», который и жил с ним в од-

¹ СГГД, т. II, № 70.

² АИ, т. II, № 38.

ной келье. «старец» с ним ни о чем не разговаривал, «лише де коли жену спомянет и дети, и он де говорит (дальше «малый» как-будто передает собственные слова Филарета. — А. Н.): «милые де мои детки, малынки де бедные остались; кому де их кормить и поить? таково ли де им будет ныне, каково им при мне было?» (там же). Эти трогательные слова, настоящий маленький лирический плач о детях, о прежней их счастливой жизни, в какой-то мере напоминают лирические излияния, жалобы тоже насильственно постриженной в черницы Ксении Годуновой, в известной песне о ней, записанной в 1619—1620 гг. Дальше мысль Филарета обращается к жене: «А жена де моя бедная, наудачу уже жива ли?» Он опасается, что и она увезена («замучена») куда-нибудь так далеко, «где и слух не зайдет». И он заканчивает свои горестные размышления ярким и образным замечанием большой эмоциональной силы: «Мне де уж что надобно? Лихо на меня жена да дети, как де их помянешь, ино де что рогатиной в сердце толкнет...» (51). Этот лирический монолог Филарета, переданный со слов жившего с ним «малого», рисует его любящим и заботливым мужем и нежным любящим отцом, мысли и чувства которого стремятся из заточения к оторванной от него семье.

Надо заметить, что в этой отписке, писанной, по словам самого Воейкова (может быть, под его диктовку?), каким-то «монастырским дьячком»¹, нередки меткие, образные выражения в народном духе — не только в речах Филарета, но и в тексте самого документа. Например, Воейков сообщает, будто Филарет не хочет, чтобы «малого» забрали из его кельи, и мотивирует это таким образным выражением: «а он малого добре любит, хочет душу свою за него выронить» или дальше: «а малый твоему государеву изменнику душа в душу». В этой отписке нередки живые, переданные простым языком диалоги. Вообще можно сказать, что в этом пространном документе не раз наблюдается вторжение простой разговорной речи в более или менее устоявшиеся нормы делового канцелярского стиля.

Существенным дополнением к характеристике Филарета Романова является позднейшее донесение о нем того же Воейкова, использованное в царской грамоте игумену Сийского монастыря Ионе о надзоре за Филаретом от 22 марта 1605 г.²:

«Февраля ж де в 3 день, в ночи, старец Филарет его, старца Илинарха, лаял и с посохом к нему прискакивал, и из кельи его выслал вон, и в келью ему, старцу Илинарху, к себе и за собою ходити никуда не велел; и живет де старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему, и говорит промирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил, и к старцам жесток... лаает их и бить хочет...» (64—65).

¹ Соответствующую цитату см. в начале Введения.

² АИ, т. II, № 54.

Как хорошо, «зримо» переданы здесь «мирские» интересы светского человека, боярина, любителя охоты, лишь поневоле ставшего «старцем Филаретом»! Он никак не может забыть, «как он в мире жил», не может примириться с новой для него окружающей обстановкой — непривычной и ненавистной, — вот почему он жесток к окружающим «старцам», вот почему он «лает их и бить хочет».

Иногда характеристика упоминаемого лица дается непосредственно самими составителями грамоты, от своего лица. В таких случаях она бывает обычно сжатой, немногословной, нередко слишком общей, лишенной ярких индивидуальных черт. Такова, например, посмертная характеристика убитого казаками Прокопия Ляпунова в грамоте из Казани в Пермь¹: «промышленник и поборатель по христове вере, которой стоял за православную христианскую веру и за дом пресвятыя богородицы, и за Московское государство против польских и литовских и русских воров» (568—569).

Характеристика здесь дана вполне положительная, сочувственная, но, кроме общего указания на патриотизм Ляпунова и его преданность «православной христианской вере», нет ни одной конкретной черты.

Такой же точно положительной, но очень общей является выдержанная в умеренно-книжном тоне характеристика Минина в разрядной записи под 7120 годом²:

«Того же году в Нижнем Новгороде муж некий убогою куплею питаяся, сииречь продавец мясу, именем Кузма Минин; той же Кузма отложше свое дело и восприемлет, велемудрое разумение и смысл, и на всех людех страны тоя силу и власть восприемлет, и многие поборы денежные собирает и изыскует во градах воинских людей, которые избыша от посечения иноплемменных и живут в великих беднотех от многого разорения, и сих изыскует, и жаждущая сердца их утоляет, и скудости их исполняет, и сими деля собирает многое воинство» (60).

Своеобразный прием характеристики отрицательного «героя»-1-го Самозванца встречается в соборной прощальной грамоте патриархов Гермогена, Иова и других лиц³. Его появление изображается и объясняется так: «И царствовавшу царю Борису на московском государстве седьм лет, и во времена царства его огнедыхателный диявол, лукавый змей, поядатель душ человеческих, не хотя добра роду человеку... воздвиже на нас подобна себе врага, нашего же Росийского государства черньца Гришку Отрепьева... вложи в него злохитрый яд и бесовский плевел всеяв, и злобу лукавства своего вложи в сердце его» (153). Характеристика Отрепьева, как видим, дана здесь не прямо, не непосредственно, а косвенно — через характеристику

¹ СГГД, т. II, № 269; август 1611 г.

² ЧОИДР, 1907, кн. II.

³ ААФ, т. II, № 67.

дьявола, подобием и орудием которого является Самозванец. Этот своеобразный прием выдержан здесь в рамках книжного приподнятого стиля и вытекает из старого традиционного взгляда на отрицательных героев как на противников воле божьей, как на слуг дьявола.

Иначе построена характеристика Самозванца в пространной грамоте Василия Шуйского в Пермь от 6 июня 1606 г.¹

В этой грамоте очень подробно излагается история и судьба Самозванца. Составители грамоты вводят в нее много диалогов — бесед Самозванца с его приближенными (главным образом поляками) незадолго до его гибели. Самозванец говорит о своем намерении «побить бояр»: «а толко деи побью бояр, и яз деи что хочу, то и чиню» (108). В многочисленных высказываниях Самозванца дается как бы его автохарактеристика, рисующая его самонадеянным злодеем, — что хочу, то и делаю, никто не посмеет перечить. Когда «в великий пост поговорили про меня немногие стрелцы, что я веру их разоряю. — говорит он дальше, — и мне деи тотчас сказали, и яз деи тех стрелцов велел сыскати и приказал быти на дворец всех приказов стрелцом, и тех, которые говорили, туто ж велел привести; и учал де есмя вину их и измену всем стрелцом сказывать, а у меня де уже говорено с Григорием Микулиным, как ему туто говорить и что над теми стрелцы учинити; и как измену их объявили, и Григорий де учал говорить: освободи де, государь, мне, я у тех твоих изменников не токмо что головы поскусаю, и чрево из них своими зубами вытаскаю; да мигнул де на них Григорей стрелцам, и стрелцы де, блюдаясь от меня, тех моих изменников в мгновение ока изсекли на малые части², мало де сами не пересеклись, секучи их... все де от меня блюдаясь делают, что велю» (109).

Самозванец похвалялся, что он нарочно старался оскорбить религиозные чувства верующих, нарушая православные обряды: «а как де я венчался, и у меня де в ту пору большое опасенье было, потому что по их крестьянскому закону первое крестив да то же вести в церковь, а не крестив никому иных вер в церковь не ходити, и яз де нарочно велел быти в ту пору люторем, и калвинцом, и евангликом, и иных всяких вер людем, и они де в церкви были и слышали де есмя что и образом изругалися и смеялися и в церкви иные сидели в обедню, а иные спали, на образы приклонялися, и за то де никаков человек не смел слова молвить; а болши де есмя всего боялся, что цесарева моя римския веры и нешто митрополиты и архиепискупы и епискупы упрямятся, не благословят и миром не помажут. и во многолетье не станут поминати, и как де есмя вшол венчатися в цер-

¹ ААЭ, т. II, № 48.

² Ср. в «Истории о Василии Кориотском»: «сего часу мы тебе изрубим в пирожных части» (угроза разбойников Василию). Русские повести XVII—XVIII вв. Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1950, стр. 114.

ковь и яз де что хотел, то делал, все делалось по моему хотенью и воле, и в царьских дверех миром помазывали и во многолетье пели во всех церквах благоверную цесаревую..., а которые митрополиты, и архиепискупы, и епискупы, и попы про то учили были преж сего о том поговаривати, и яз де их порозослал (т. е. отправил в ссылку. — А. Н.), а ныне де никаков человек не смеет слово молвить и во всем волю мою творит» (109).

Грамота составлена так, что из приведенных бесед Самозванца с приближенными отчетливо выступает его непривлекательный облик, облик «злодея», врага веры православной и предателя интересов Русской земли. Изложенная сравнительно простым языком, доступным для всех стилем грамота давала ярко отрицательную автохарактеристику Самозванца, которая в глазах читателей и слушателей приобретала особую достоверность. Этот литературный прием автохарактеристики явно преследовал политические агитационные цели и должен был вызывать враждебное чувство к Григорию Отрепьеву. Отдельные места приведенных отрывков изложены очень образно и сильно, особенно — угроза Микулина: «я у тех твоих изменников не токмо что головы поскусаю, и чрево из них своими зубами вытаскаю».

Среди так называемых «ногайских дел»¹ есть интересные документы, говорящие о двух видных ногайских князьях (мурзах) — Иштереке и Яне-Араслане, между которыми существовала давняя непримиримая вражда. По инициативе московского правительства осенью 1604 г. в Москве состоялось их примирение, о котором в одном из документов сохранился подробный рассказ, любопытный в том отношении, что он в картинном образном изложении пытается дать характеристику обоих «героев» и рисует их отношения друг к другу, к московским властям, самую манеру держаться и т. д.

Вот этот рассказ с необходимыми сокращениями:

Иштерек говорил, что «будучи в прямом холопстве», «под царского величества высокою рукою», он будет «меж себя с Яном-Арасланом в братстве и в любви и в соединенье до своен смерти. А Ян-Араслан против Иштерекова слова не говорил ничего, а сидел невесел, повеся голову» (102). Им предлагали, помирившись, и кочевать вместе, «чтоб меж ими вперед ссоры некоторые не было» (103). «И Иштерек князь говорил: сколько де он знал и что помнил, как преж сего в Нагайской орде велось, и за что меж их учинилась рознь, и крови многие лились, и он де то сказывал. А Ян-Араслан стоял долго, повеся голову, и учал говорити кабы нехотя, что он по царского величества милости с Ыштереком князем готов кочевати вместе» (103). После переговоров с московскими властями Иштерек был поставлен «на Нагайском княженье», а Ян-Араслан «под Иштереком кня-

¹ ЧОИДР, 1918, кн. I; 1604 г.

зем, в других». «И Ян-Араслан, постояв, говорил кабы нехотя, что он царскому величеству рад служить и прямити, и с Иштереком князем, з братьею и з детьми и с племянники, будет в дружбе и в любви и в соединенье, по царского величества повеленью». На этом оба они «царскому величеству дали шерть (клятву. — А. Н.) и утверженье на куране (т. е. куране. — А. Н.)» (111).

Уже здесь можно заметить, что автор рассказа сознательно противопоставляет обоих ногайских князей и дает им различную характеристику. Иштерек, очевидно, уже более или менее примирился с зависимым от московского царя положением, для него не слишком тяжела его «высокая рука», он готов быть его «прямым холопом». Об этом, в том же документе, говорит и сам Иштерек: «а он, Иштерек князь,... просит у бога да у царского величества милости и во всем хочет царского величества повеления слушати, и царское слово на голове носит» (100). Это определяет и все его дальнейшее поведение. Однако Иштерек не теряет чувства собственного достоинства и умеет в случае надобности заявить об этом. Когда его стали слишком назойливо, через меру наставлять, чтобы он, видя к себе «жалованье и милосердие» царя и желая сохранить их в дальнейшем, «царского величества речи слушел радосным сердцем, стоя и сняв шапку», Иштерек с достоинством ответил, «что де он, Иштерек князь, государю служит прямым сердцем и правда де у него, Иштерека, к нему, государю, в сердце, а не в шапке»¹.

Другой мурза — Ян-Араслан — никак не может забыть прежних вольностей, ему тяжело сознавать себя «холопом» московского царя, и он только по печальной необходимости, нехотя, идет на примирение с давним врагом, «под которым» оказывается «в других», то есть в подчиненном положении. Это тоже сказывается на его дальнейших поступках. В приведенном выше отрывке он сидит (или стоит) «невесел», «повеся голову», и говорит «нехотя». В другом эпизоде оба названные лица, как их изобразил рассказчик, еще полнее раскрывают указанные черты.

24 октября 1604 г. для ногайцев был устроен «государев стол»². Когда «после стола» Степан Годунов подавал чашу, «Иштерек князь и все мурзы, опричь Ян-Араслана мурзы, втепоры стояли сняв шапки». Все пьют чашу, отойдя к дверям и «став на коленки», причем Иштерек князь «порожней ковш на голову положил» (119). «А Ян-Араслан мурза, втепоры как царскую чашу подали, и он шапки сняти и на коленки стати не хотел, и ему о том много говорили, чтоб он, втепоры, как царского величества чашу подают, шапку снял и царскую чашу, на коленки став, выпил; и Ян-Араслан говорил, что у них, по их бусульманскому закону, и богу молятца, не сняв шапку, и он деи государеву чашу по тому ж хочет пить, не сняв шапки». Ему

¹ ЧОИДР, 1915, кн. IV, стр. 12.

² ЧОИДР, 1918, кн. I.

сказали, пусть богу он молится по своему бусульманскому обычаю, хоть и в шапке, а государеву чашу пил бы «по достоянью царского величества со многою честью», — так делают и все цари и царевичи «бусульманской веры». «И Ян-Араслан, втеперы, как чашу царскую окольниковей Степан Степанович почал подавати, шапку снял; а как ему царскую чашу окольниковей Степан Степанович подал, и он царскую чашу, на колени став, выпил; а достальные мурзы и сеиты царскую чашу пили все, сняв шапки и став на колени, отошед к дверем» (119—120).

Непокорный характер мурзы Ян-Араслана выступает в этом отрывке особенно ярко. Вообще в данном случае можно было бы, кажется, говорить уже не об отдельных литературных элементах или литературной стороне документа, а о настоящей литературной вставке, литературной странице в официальном донесении о «ногайских делах». Кое-где составитель донесения употребляет ходячие литературные приемы, например, для усиления впечатления вводит идущие один за другим синонимы (ср. обещание жить с прежним недругом «в братстве и в любви и в соединенье», в другом случае — «в дружбе и в любви и в соединенье»), но в целом его опыт словесной характеристики или словесного портрета двух татарских князей — на основании их сопоставления в одинаковых ситуациях (сцена примирения, сцена с государевой чашей) — настолько удачен, образы героев очерчены так выразительно и тонко, что оба они — и Иштерек и Ян-Араслан — встают перед нами, как живые.

В эти же документы, посвященные «ногайским делам», вплетено настоящее литературное произведение, небольшой художественный нравоучительный рассказ—восточная «притча», как говорит сам составитель документа. Иштерек рассказал эту притчу московским боярам в объяснение своих отношений с Ян-Арасланом, в тексте документа дана, очевидно, довольно близкая запись его рассказа¹.

«Да Иштерек же князь говорил: вам то ведомо, почему знать друга с недругом? да учал сказывать притчу.

В Персидской де стране Нуширьван был царь, а были у него два сына не в великом возрасте, и учал де он быти болен, и призвал деи детей своих и учал им говорити, что он жил многие лета, а нынеча добре болен и не чает себе живота, а приказывает де им после себя государство свое; а они де после его оставаютца молоди, и им держати государство, — и они знают ли по чему знать друга с недругом? и ему б про то сказали. И дети ему учили говорить: друга де по тому знать, — которой будет друг, и тот будет и вперед друг, а недруга де знать по тому, — которой сперва недруг будет, и тот и вперед будет недругом; по тому де знать друга с недругом. И отец де им отказал, что

¹ ЧОИДР, 1918, кн. I, стр. 131—132; 25 ноября 1604 г.

они молоди, а того не знают; и учал деи царь Нуширван детям сказывать: недруга деи знать по тому, которой твой друг, а учнет к твоему недругу приставать, тот вперед и тебе будет недруг; а друга деи знать по тому, — которой твой недруг, а учнет приставать к твоему сердечному другу, и тот недруг, знатно, что и тебе будет друг; по тому и знать друга и недруга» (131—132).

Заканчивается рассказ такой сентенцией-афоризмом: «душа де у всякого человека жалеет о ближнем, а милее де и больше того человеку нет, что дети» (132).

Следует отметить, что эта близкая запись притчи, рассказанной ногайским мурзой Иштереком, в значительной мере сохраняет и ее восточный колорит. Да и вообще более или менее близкая передача речей ногайских и других татар (князей, послов и т. д.) придает стилю соответствующих донесений о них своеобразную восточную окраску.

Любопытно, что вслед за приведенной здесь притчей в том же документе записана и вызванная ею реплика собеседников князя Иштерека:

«И окольников Степан Степанович да воевода Михаил Богданович с товарищи говорили Иштереку князю: не только то, что в древних временах такие притчи были, и нынеча то в обычае ведетца: которой твой сердечной друг, а учнет к сердечному твоему к недругу приставать, — и тот твой друг вперед тебе будет недруг, потому что сердечной твой недруг, а ответит от тебя сердечнovo твоего друга; а которой сердечной твой недруг, а пристанет к сердечному твоему другу, — и тот твой недруг вперед будет тебе друг, потому что твой сердечной друг приведет к тебе твоего недруга» (133).

Конечно, все это не относится непосредственно к деловым записям, к донесениям политического характера, здесь имеет место уже прямое вторжение литературы в эти донесения, в деловые документы, сознательная иллюстрация определенных установок, мнений, положений — образным повествованием, рассказом, почерпнутым из народных легенд и преданий¹.

Таким же неожиданным является очень эмоциональный и образный рассказ разрядной записи о том, как гоудуновский воевода Петр Басманов, действовавший против Самозванца, воспринял и тяжело переживал сообщение о том, что он назначен вторым воеводой, а князь Андрей Телятевский — первым. Это сообщение новой «рописи» чинов было получено в лагере правительственных войск под Кромами:

«А как тое роспись прочли бояре и воеводы, и Петр Басманов, патчи на стол, плакал, с час лежа на столе, а встав с стола, евлял и бил челом бояром и воеводом всем: отец, государи мои, Федор Алексеевич, точма был двожды болши деда князя Одреева, а царь и великий князь Борис Федорович всеа

¹ Хосров I Ануширван был шахом Ирана в 531—579 гг.

Русии как меня пожаловал за мою службу, а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопы князю Ондрею Телятевскому, и я не хочу жив быти, смерть прииму лутче тово позору¹.

Этот короткий, но красочный рассказ дает материал и для характеристики Басманова, особенно если вспомнить, что через несколько дней он, как и несколько других «обиженных» новыми назначениями, перешел на сторону Самозванца.

Встречается такое «вторжение литературы» и в других деловых документах, иной раз — даже в идущих из высоких сфер. Так, например, в грамоте царя Василия Шуйского в Пермь по поводу строительства Вознесенского монастыря² помещена яркая бытовая картинка с определенной сатирической окраской, внесенная туда, как это видно из документа, со слов «черного попа Иосифа»: «в Перми деи, в Вознесенском монастыре у Ивана Богослова, старцы живут не по монастырьски, безчинно, по своей воли, как и прочие мирские люди, и ходят за монастырь к своим посестреям, и спят за монастырьем ночей по десяти и болши, и у них деи в монастыре в келиях посестрей и дочери и племянницы их и чужия жонки пьют и ночуют» (125).

Здесь в немногих словах ярко и образно очерчена недостойная жизнь «старцев» — монахов. Этот очерк, в сущности, является уже миниатюрной сатирой начала XVII в. на монастырскую жизнь; он предвещает и позднейшие специальные сатиры на монахов и сатирические выпады Симеона Полоцкого в его известном стихотворении «Монах»:

«...Таковии ко женам дерзают ходити,
Дружество приимати, ясти же и пити;
Сродство себе с оными ложне поведают,
Или тетקי, матери, сестры нарицают...».

3. Письма

Необходимо хоть коротко сказать о таком своеобразном жанре деловой письменности начала XVII в., как частные письма, сохранившиеся и опубликованные, к сожалению, в самом незначительном количестве.

Совершенно особое место среди многочисленных документов с образцами повествовательной речи занимают письма из осажденного поляками Троице-Сергиева монастыря Ксении Годуновой к тетке от 29 марта 1609 г.³ и ее служанки Соломониды — к матери от 6 июля того же года⁴. Оба сохранившиеся

¹ Разрядные записи за Смутное время, ЧОИДР, 1907, кн. III, стр. 200.

² ААЭ, т. II, № 56; 17 сентября 1606 г.

³ АИ, т. II, № 182.

⁴ Там же.

письма отличаются не только образной разговорной речью, но и своей непосредственностью, каким-то особым восприятием происходящих вокруг бурных, трагических событий.

Вот эти письма с некоторыми сокращениями:

«Государыне моей свету-тетушке, — пишет Ксения Годунова. — ... и я у Живоначальные Троицы в осаде... в своих бедах чуть жива, конечно болна, со всеми старницами; и впредь, государыня, никак не чаем себе живота, с часу на час ожидаем смерти, потому что у нас, в осаде, шатость и измена великая. Да у нас же, за грех за наш, моровая поветря: всяких людей изняли скорби великия смертныя, на всякой день хоронят мертвых человек по двадцати и по тридцати и болши; а которые люди посяместо ходят, и те собою не владеют, все обезножели. Да пожалуй отпиши ко мне про московское житье, про все подлинно»... (213).

«Государыне моей, свету-надёже матушке, — читаем в письме Соломонида, — ...дочеришка твоя Соломонидка челом бьет... Да здесь, государыня матушка, был у нас приступ к монастырю, канун Петрова дни, и зажигали огненным боем: и божьею милостью... ничего не вредили монастыря: зажигали многижда, а где огнянка ни падет, тут не загоритца; а приступ был крепкой. Не бывала, государыня матушка; такая страсть у нас; а воров, государыня матушка, побили многих на приступе... А мор, государыня, у нас унелся, а не осталося людей ни трети» (там же).

Если первое письмо, скорее всего, было написано самой Ксенией Годуновой, о которой один из современников «Смуты» говорит, что она была «писанию книжному навычна»¹, то второе может быть писала она же — для своей служанки — а может быть и какой-нибудь «монастырский дьячок»: в нем сквозь живую ткань народной образной речи как-будто проступают и некоторые традиционные писарские приемы.

Оба письма очень эмоциональны, и даже традиционные обращения—приветствия в народном духе «свет-тетушка», «свет-надежа матушка» звучат тепло и искренне.

Трогательно звучат жалобы Ксении — «и я в своих бедах чуть жива», «с часу на час ожидаем смерти».

При чтении этого письма невольно кажется, что Ксения Годунова все еще не может забыть прежней счастливой жизни, все еще вспоминает, говоря словами сложенной про нее песни. «милые наши переходы», «наши высокие хоромы», «кому будет по вас да ходити», «кому вами будет владети», «после царского нашего житья»...².

¹ Повесть кн. Катырева-Ростовского, РИБ, т. XIII, изд. 2, столб. 621 и 709.

² П. К. С и м о н и. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг., Сборник ОРЯС Академии Наук, т. 87, СПб, 1907, стр. 6 и 10.

Запоминаются и простодушные замечания служанки, что «был... приступ к монастырю», что его «зажигали многожда», с неизбежной ссылкой на «божью милость», что «не бывала такая страсть у нас», и ее эпически спокойная, но полная трагизма констатация: «А мор, государыня, у нас унелся, а не осталось людей ни трети».

Есть в этих письмах и некоторые черты книжной речи («никако не чаем себе живота»), и традиционные уменьшительные имена существительные в применении к отправителю письма («дочеришка твоя Соломонидка»), и неизбежная формула «челом бьет», но в общем в обоих письмах преобладает живость, непосредственность, образность речи.

Совсем другое впечатление производит переписка молодого царя Михаила Федоровича Романова (отчасти и его матери — инокини Марфы) с отцом — патриархом «всех Руси» Филаретом.

В данном случае оба «корреспондента» занимали слишком высокое положение, чтобы их частная переписка могла оставаться действительно «частной»: в своей переписке им нередко приходилось касаться и важных государственных вопросов (об отношениях с Польшей, крымскими татарами и др.). Кроме того, и велась переписка не непосредственно самими ее участниками, а через писцов-профессионалов, применявших установленные традицией торжественные формулы и обороты, связанные с высоким положением корреспондентов — царя и патриарха. Сами издатели отмечали, что письма «не отличаются богатством содержания и ограничиваются красноречием, свойственным этому роду переписки, которая, с некоторыми исключениями, приготовлялась дяками по официальной форме»¹.

Вот почему в этих письмах лишь изредка можно встретить простую будничную речь и проявление непосредственных человеческих чувств, да и то они в большинстве как бы закованы в тяжелый панцырь торжественного стиля.

Приведу несколько примеров.

Отправившись на богомолье, Михаил Федорович сообщает отцу, что путь кажется легким, благодаря его молитвам и благословению². Выражено это так:

«... мы и мать наша... по обещанию нашему, радостно шествуем. Аще и пешима стопама мал труд наносит, но, по вере нашей,... радостен и удобшествен путь показася; разумехом бо, яко молитвы ваши шествуют с нами, и благословение вашего преподобия зело обলেখает нам прехождение»... (63).

А вот как в письме от 31 октября 1619 г. выражено сочувствие царя патриарху по поводу его болезни³:

¹ Письма, т. I, Предисловие, стр. VI.

² Там же, № 62; 8 мая 1620 г.

³ Там же, № 59.

«Яко в пучине бо морстей жалости наша, яже о тебе, драгий наш отче, волнуемся и презелными волнами жалости наша ударяем есмы: и аще бы мочно, и крылати молили бых ся быти и, долготу пути преминаув, единого часа равноангелному ти лицу предстати; но долгота и неудобство пути немало замедление творит нашему шествию» (61).

Здесь в нагромождении церковнославянизмов, тяжеловесных, словосочетаний и искусственных метафорических оборотов, действительно, как в морской пучине, тонет выражение искреннего сыновнего чувства. В другом письме от того же числа¹ вполне естественное желание царя встретиться поскорее с отцом снова выражено с помощью надуманных книжных сравнений:

«надеемся честное ваше и равноангелное лице видети и толико желаем предобрый ваш глас слышати, яко жедательный елень напаятись, и, паче медоточных струй, языка вашего словеса насытитися» (60).

Почти таким же книжным приподнятым стилем инокиня Марфа, жена Филарета, выражает свое сочувствие и беспокойство о муже, узнав о его болезни².

«и сын наш и мы, слыша о твоей государеве болезни, плачевне скорбим и сердечною жалостию объяти есмя;... и аз в дороге поскорбела и позанемогла лихораткою ж, и посяместа мало было обলেখчене. А ныне, слыша о твоей государеве болезни, сугубо скорбию уязвляюся и в плач низвождуся и, свою скорбь забыв и яко не имев, о тебе, свете и государе нашем, конечную скорбию сокрушаюся» (58).

Живое человеческое чувство слышится здесь сквозь профессиональную речь грамотей-писца лишь в самых последних строках, где Марфа говорит, что при вести о болезни мужа она забыла о своей болезни, точно ее и не было, и называет его «свет и государь наш».

Сравнительно просто звучит просьба Филарета к сыну «о своем царском здоровье и о путном шествии почасту писаньем возвещати, чтоб я, слыша ваше царское путное шествие здраво и весело, духовно веселился»³.

Простой разговорной речью передаются сравнительно немногочисленные сообщения о погоде, о передышках в пути и т. п., например: в письме Михаила Федоровича к отцу от 12 октября 1619 г. с извещением о прибытии в Кострому: «А идем, государь, мешкотно, потому что дожди и снеги идут многие и грязи великие, и мы идем, лготя людем нашим»⁴; в письме к матери от 22 мая 1621 г.: «А из села, государыня, Воздвиженского пойдем

¹ Письма, т. I, № 58.

² Там же, № 56; 29 октября 1619 г.

³ Там же, № 48, стр. 53; 18 октября 1619 г.

⁴ Там же, № 42, стр. 50; вариант «дожди многие и грязи великие» — в письме № 45, стр. 52, — 15 октября 1619 г.

в село Митрополье майя в 22 день; а хотим, государыня, в селе Митрополье передневати и потешитца на поле»¹.

Хороший образец добродушной, мягкой иронии находим в ответе патриарха Филарета сыну, который выражал беспокойство о его здоровье: «а вам бы, великому государю, об наших старческих болезнях не кручиниться; то наше старческое веселие, что болезни с радостью терпети»².

Как видим, этот шуточный ответ нашел себе и соответственное словесное оформление: в нем нет ни одного церковнославянизма, и звучит он просто, выразительно, приближаясь к народной разговорной речи. Конечно, здесь имеем буквальную запись подлинных слов Филарета, не подвергшихся стилистической обработке писца-профессионала.

Выше уже было отмечено, что такие случаи обычной, будничной, домашней речи в переписке семьи Романовых очень редки.

III. ОПИСАНИЕ

В многочисленных грамотах и других документах конца XVI—начала XVII вв. преобладают, конечно, элементы и приемы повествовательной речи в различных ее вариациях, это вполне естественно. Но вместе с тем в этих же документах встречаются и типичные описания, обычно отличающиеся деловитостью, тщательностью, а иногда и известной образностью. Их не только значительно меньше по количеству, но и самая роль их в организации образной речи скромнее. Все же некоторые образцы описаний, находящихся в грамотах, заслуживают упоминания и рассмотрения.

Оставим в стороне специальные описания различных официальных торжеств и обрядов, как, например, венчание на царство, торжественный «выход» царя, описание царского «стола» или «стола» для различных приемов и т. п., так как это, в сущности, сплошные трафареты, окаменевшие словесные формулы, воспроизводящие твердо установленный церемониал. Некоторое понятие об описаниях такого рода дает отрывок документа от 12 сентября 1605 г. о приеме татарских гонцов (послов) царем Борисом Годуновым¹:

«А подле государева места сидели государь царевич князь Федор Борисович всея Руси в своем месте в (оставлен пробел.— А. Н.). А при государе в полате сидели бояре и окольные и дворяне большие в охабенках и в однорядках в чистых, в черных шапках; и в сенех перед полатою сидели дворяне и приказные люди в охабенках же и в чистых однорядках, в черных ж шап-

¹ Письма, т. I, № 116, стр. 98.

² Там же, № 54, стр. 57; 28 октября 1619 г.

³ ЧОИДР, 1918, кн. I, «Крымские дела».

ках; а по крыльцу стояли дети боярские и подьячие в чистом платье, а на площади стояли стрельцы в чистом платье, без оружия»... (158).

Не останавливаясь больше на описаниях-трафаретах, приведем ниже несколько таких описаний, которые являются составной частью, фактором изобразительной речи.

Вот, например, описание диковинных часов, извлеченное из «наказной памяти» иностранцу Роману Бекману, отправленному Борисом Годуновым в Любек за врачами, рудознателями и другими мастерами¹;

«Да в Любке ж живет часовник, родом агличенин, а у него часы боевые стоячие, с бои, и с перечастья, и с планитами, и с алманаками, бьют перед часы передчастья во многие колоколы, как бы поют многими гласы, а в те поры выходят люди, а стоят те часы в костеле» (33).

Об этих часах надо было собрать еще более подробные и точные сведения.

Немало описаний новых стран, городов и всякого рода достопримечательностей в них находим в так называемых статейных списках, иначе говоря — отчетах русских послов об их путешествиях в зарубежные страны с дипломатическими поручениями. Вот, например, как Григорий Микулин, ездивший послом в Англию в 1600—1601 гг., описывал столицу этой страны, в частности — Тоуэр и Сити²;

«А как Григорий и Ивашко въехали в посад Лунду (Лондон, — А. Н.) и в те поры по реке по Темзе в судах, и по берегу по обе стороны, и по улицам людей было в зборе добре много; а з города и с караблей стреляли из многово наряду. А город Лунда Вышегород³ камен, не велик, стоит на высоком месте, и около его воды обводные. А большой город⁴, стена камена ж, стоит на ровном месте около его версты с четыре и больши; а через реку Темзь меж посадов мост камен, а на мосту устроены домы каменные и лавки, и торг великой устроен со всякими товары» (162).

Это описание отличается деловитостью, сжатостью и точностью; известно между прочим, что каменные дома и лавки на мосту через Темзу существовали еще в начале XIX столетия. Вместе с тем описание дает достаточно живое представление о встрече лондонскими властями и населением русских послов и о самом Лондоне в восприятии русских людей начала XVII в.

В грамоте царя Василия Шуйского пермичам от 6 июня 1606 г. о злодействах Самозванца (Отрепьева), о перенесении

¹ АИ, т. II, № 34; 21 октября 1600 г.

² Путешествия русских послов XV—XVII вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

³ «Вышегород» — очевидно, лондонский Тоуэр.

⁴ «Большой город» — очевидно, Сити.

мошей царевича Димитрия¹ приводится такое «реалистическое» описание мошей убитого в 1591 г. царевича:

«... а на лице и на главе власы чермы, и на костях плоть цела, а ожерелейцо низано жемчужное с пугвицы все цело, и в левой руке шириночка тафтяная шита золотом и серебром цела ж, и саван на нем весь цел... а сапожки на нем целы ж, только подошвы у носков отстали; да на царевичевых же мошах положено орехов с пригорщи, а сказывают, как он тешился и втепоры орешки кушал, и как его убили—и те орехи кровью обагрились, и для того те орехи на нем в гроб положили, и те орехи на царевичевых мошах целы ж» (111).

Речь этого описания очень проста и доходчива, а уменьшительно-ласкательные формы — «ожерелейцо», «шириночка», «сапожки», «орешки» — придают всему описанию лирическую сочувственную окраску. И само описание с его деталями (например, «сапожки на нем целы ж, толко подошвы у носков отстали») и рассказ о том, как в момент убийства царевич «орешки кушал», должны были производить на современников огромное впечатление². В то же время это в литературном отношении умело составленное описание выполняло и определенные агитационно-политические функции: оно должно было лишней раз доказать бесспорность, несомненность смерти царевича Димитрия и тем самым «воровство», самозванство любого претендента на московский престол, принимавшего имя Димитрия. Боярин, князь Василий Иванович Шуйский серьезно был озабочен укреплением недавно занятого им царского престола.

Приведу еще описание внешности двух самозванцев, двух Лжедимитриев, находящиеся в специальном «Объявлении польским сенаторам о воре Григории Отрепьеве и новом Лжедимитрии» от декабря 1606 г.³

«И тот вор (новый.—А. Н.) не тем обличьем; прежний был вор розстрига (т. е. Отрепьев—А. Н.) обличьем бел. волосом рус, нос широк, бородавка подле носа, уса и бороды не было, шея коротка; а Михалко Молчанов (новый Лжедимитрий.—А. Н.) обличьем смугол, волосом черн, нос покляп, ус не мал, брови велики нависли, а глаза малы, бороду стрижет, на голове волоса курчаваты, взглаживает вверх, бородавка на щеке» (324).

¹ ААЭ, т. II, № 48.

² Об орехах в гробу царевича упоминает и «Житие царевича Димитрия, внесенное в минеи Г. Тулупова», но там весь этот эпизод дается в совершенно другой тональности: «...тело ...царевича Димитрия видевше цело и ничем не вредимо, но светло соблюдется, сияя, яко цвет прекрасный от плода добротворения, посреде вселенных. Также же и одежда его царская, в ней же погребен бысть, вся цела и невредима, и орехи на честных его персех, иже облиялися честною его кровию во время честнаго и многострадального заклонения, целы, но токмо от пречестных его крови почернели, якоже и багряница, ею же свыше во гробе покровен бысть, никакоже тлению причастна» (РИБ, т. XIII, изд. 2, стб. 892—893).

³ СГГД, т. II, № 152.

Как видим, документ описывает исключительно внешние приметы обоих самозванцев, о каких-либо внутренних чертах, склонностях их совершенно ничего не говорится. В этом отношении приведенное описание много уступает «Написанию вкратце о царях московских» Катырева-Ростовского, где «расстрига Отрепьев» изображен не только с внешней, но и с внутренней стороны¹. Такое одностороннее описание самозванцев в «Объявлении польским сенаторам» объясняется, быть может, желанием его составителей подчеркнуть, что «новый Лжедимитрий» абсолютно не походил на прежнего даже по внешности, что он—явный «вор», так сказать, «самозванец в квадрате», «подделка под подделку». Отсюда — и сопоставление их обоих исключительно по *внешним приметам*, которые отмечались когда-то в паспортах или в специальных справках о внешности для розыска преступников.

IV. ОТДЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ И ПРИЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Рассмотренные выше извлеченные из грамот образцы торжественного стиля, повествовательной и описательной речи создавались на основе использования самых разнообразных средств и приемов словесного художественного творчества. Однако в предшествующем изложении они рассматривались суммарно, целыми комплексами, обычно—без выделения отдельных изобразительных средств или приемов. Ниже предметом рассмотрения как раз и будут разнообразные отдельные художественные обороты и приемы.

Количество приводимых примеров можно было бы увеличить во много раз, но в этом нет надобности: важно показать наличие этих художественных приемов и средств в словесной ткани грамот и других документов, а также их разнообразие.

На страницах грамот очень часто встречаются различного рода метафорические обороты, причем лица духовные обычно применяют метафоры книжного характера и происхождения.

Так, митрополит Филарет, говоря о борьбе восставших холопов и «татей» со своими угнетателями, использует иносказательный метафорический оборот явно книжного происхождения; в его грамоте в Устюг от 30 ноября 1606 г.² читаем: «воста плевел, хощет поглотити пшениценосные класы (колосья,—*А. Н.*), причем он сам счел нужным тут же дать пояснение, кто именно был этот восставший «плевел»: «окопаясь *разбойники и тати* и бояр и детей боярских *беглые холопы*... пришли в Рязанскую землю» (131; курсив мой. — *А. Н.*).

¹ РИБ, т. XIII, изд. 2, стлб. 621—622 и 709—710.

² ААЭ, т. II, № 58.

В «грамоте утвержденной» об избрании на царство Бориса Годунова¹ «святейший Иев патриарх... реки слез от очию испусти» (26—27), Борис же «от очию реки слез пролияше» (31); а в другом месте «слезные источники... испущая, глаголаше»... (33):

Явно книжную метафору встречаем и в грамоте 1-го ополчения в Казань (апрель 1611 г.)² «вси испиша чашу ярости праведного гнева божия».

Другой характер, как правило, носят метафорические обороты в переписке городов, а также в многочисленных донесениях воевод и других официальных лиц — людей светских. Здесь метафоры в большинстве случаев близки к народной речи, они проще, естественнее, нередко смелее.

О переходе в наступление войск Шуйского против «воровских людей» под Царевым говорится: «пришла де из Казани государева... сила... и учало ружье говорити под Царевым, стала казанская сила ко Цареву приступати» (отписка из Котельнича в Вятку)³.

Когда в мае 1609 г. осаждавшие Ярославль «воры» никак не могли взять города, его защитники писали по этому поводу⁴. «и вором всем Ярославль стал болен добре», «им Ярославль больнее всех городов» (40—41)⁵. В той же отписке ярославцы сообщали: «а у нас с воры *драка живет* еже час» (41). К последнему обороту очень близко выражение другого документа (1612 г.): «А к тем детям боярским на кабак приезжают многие воровские люди... и в посаде от них *убивство живет* великое»⁶. К подчеркнутым оборотам приближается еще один — в документе из «ногайских дел»⁷, «меж вас (между двумя татарскими родами.—А. Н.)... недружба учинилась и крови прошли многие на обе стороны» (99). Надо заметить кстати, что документы, связанные с «ногайскими делами», вообще изобилуют различными выражениями. В одном из них говорится, что царский стольник Степан Годунов дал упоминавшимся уже выше мурзам — Иштереку и Ян-Араслану — пожалованные царем сабли — на царских врагов и на их собственных недругов; он оговорил при этом, что если они не будут честно служить московскому царю или снова начнут вражду между собою — «и та б сабля была на твоей (Иштерека или Ян-Араслана.—А. Н.) шее»⁸, Иштереку было указано также, что ни он сам, ни его родственники не смогут никуда скрыться от «царской руки»: «царская де рука

¹ ААЭ, т. II, № 7; 1 августа 1598 г.

² СГГД, т. II, № 251.

³ АИ, т. II, № 145, стр. 169; 1 февраля 1609 г.

⁴ ЧОИДР, 1915, кн. II; после 8 мая 1609 г.

⁵ Со слов ярославцев о том же и буквально в тех же словах вычегодцы писали пермичам (ААЭ, т. II, № 123, стр. 229).

⁶ ЧОИДР, 1911, кн. IV, стр. 83.

⁷ Там же, 1918, кн. I.

⁸ Там же, 1918, кн. I, 101; 23 ноября 1604 г.

высока и долга, где кто ни будет, того тут досяжет и к своему царскому величеству приведет»¹.

Напомню еще уже приводившиеся выше яркие образные выражения Иштерека о том, что он «царское слово на голове носит», что «правда у него к государю в сердце, а не в шапке».

В своей грамоте конца февраля 1611 г.² московская боярская дума убеждала защитников Смоленска сдать город полякам, подчеркивая, что король Сигизмунд хочет, чтобы его сын занял московский престол. Эта мысль выражена с помощью искусственного книжного образа: «...он великий государь (Сигизмунд. — А. Н.) добра хочет и желает, чтоб его государская кров и отрасль (Владислав. — А. Н.) Московскому государству и всему Российскому царству была повелителем и обладателем» (377). Смоленского же воеводу боярина Шеина грамота упрекает в том, что он настолько «затвердел», что не видит «государского (Сигизмундова. — А. Н.) добра».

Обращает на себя внимание образное выражение «Тверь— замо́к всем городам»; вот почему, говорится в том же документе, надо «от воров Тверь оберегати, чтоб и иным городом, которые за Тверью, от воров зла не было»³. Мысль о важном стратегическом значении Твери в происходившей тогда военной борьбе нашла здесь себе сжатое, точное и яркое образное выражение.

Вместо: ослушники будут наказаны, казнены — в одной из грамот читаем: «и тем будет от короля топор да плаха»⁴.

Еще одно образное выражение можно отметить в отписке Прокопия Ляпунова в Суздаль, в которой он сообщает о своих переговорах с Яном и Сапегой⁵: «а велел, господи, с ним (Сапегой. — А. Н.) крепиться и договариваться для помочи на врагов, а вдвое того для того, чтоб такие великие люди в наш поход к Москве у нас за хребтом (в тылу. — А. Н.) не были, а над города никакого дурна не чинили» (312).

К персонифицирующим метонимиям типа «куда топор ходил, куда коса ходила»⁶ можно отнести еще обороты: «всех... мечь бы поел» в значении—все были бы убиты, все погибли бы от меча⁷, «хлеб пошел к Москве с Коломны добре много»⁸ и свое-

¹ ЧОИДР, 1918, кн. I, стр. 141; 25 ноября 1604 г. Вариант этого выражения — в грамоте московских бояр, сторонников кандидатуры королевича Владислава, в Кострому и Ярославль (25 января 1612 г.): «сами вы все видите... его царскую высокую руку (Владислава — А. Н.). ...вам от его государские высокие руки нигде не укрытис[ь]» (СГГД, т. II, № 276, стр. 581).

² АИ, т. II, № 321.

³ ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 148; август 1609 г.

⁴ АИ, т. II, № 246, стр. 292; июль 1609 г.

⁵ ААЭ, т. II, № 182; март 1611 г.

⁶ В. В. Данилов, ук. соч., ТОДРЛ, т. XI, стр. 211.

⁷ СГГД, т. II, № 250; 6 апреля 1611 г.

⁸ АИ, т. II, № 252, стр. 299; 12 августа 1609 г.

образный оборот «живет печать одна» в послании Ивана Грозного английской королеве Елизавете 1570 г. Здесь после указания на то, что на всех «грамотах» Елизаветы «печати розные», что это—«не государский обычай», послание наставительно замечает: «У государей в государстве живет печать одна» (т. е. «употребляется», «существует». — А. Н.)¹.

Еще один «метонимический оборот» можно видеть в следующем эпизоде, рассказывающем о татарском князе Барангазые. Он ложно, через сына, клялся в верности московскому царю, а сам замышлял передаться крымскому хану и туркам, — это грозило смертью его сыну. В связи с этим в соответствующем документе читаем: «И. Барангазы[й] де князь сына своего не пощадил — сам черева свои ест»².

Сравнения, встречающиеся в документах начала XVII в., бывают весьма разнообразны — от самых простых до более или менее сложных, «развернутых». Приведу ряд примеров: «они церковь божию соблюдали, что свое око»³; литовские люди «ходили и ездили (в Москве.—А. Н.) сами вооруженны, а московским людям бедным, как есть овцам, ни с каким оружием и в руках носить не велели»⁴; в митрополичьих и патриарших грамотах не раз приводятся сделанные книжным языком сравнения воинов с орлами: «...московская же богом собранная рать... опернатев яко непоборнии орли в шлем спасения... и устремились»⁵; «а отци ваши... в незнаемыя страны, яко орли острозрящие и быстролетящие, яко на крылах паряще»⁶; от книжной традиции, конечно, идут и наиболее распространенные в грамотах сравнения политических и иных противников и любых отрицательных персонажей со змеями и волками (иногда—и с теми и с другими сразу): противники Шуйского, «воры», «отпадши от бога и от правыя веры, не яко крестьяня (христиане.—А. Н.), но аки и не человецы, аки змиеве из своих гнезд выползая, сипением своим, или яко волцы воя, хотя устрашити люди»⁷.

С такими сравнениями близко соприкасаются и очень распространенные в церковно-книжной традиции метафорические сравнения, в которых сопоставляются деятели церкви—*пастыри* духовные, верующие православные христиане — *овцы* и противники православной веры — хищные *волки*. Примеров можно было бы привести большое количество, но достаточно остановиться на двух.

¹ Послания Ивана Грозного, Изд. АН СССР (серия «Литературные памятники»), М.—Л., 1951, стр. 140.

² ЧОИДР, 1918, кн. I, стр. 127, 25 ноября 1604 г.

³ СГГД, т. II, № 276, стр. 584.

⁴ ААЭ, т. II, № 188, стр. 321.

⁵ ААЭ, т. II, № 58, стр. 134; грамота митрополита Филарета.

⁶ Там же, № 169; грамота патриарха Гермогена.

⁷ ААЭ, т. II, № 58, стр. 133; 30 ноября 1606 г.

Патриарх Гермоген, обращаясь (21 декабря 1606 г.) к казанскому митрополиту Ефрему, называет его «доблестным пастырем», который «не попускает словесному стаду» своей паствы итти путем погибели и желает избавить это «стадо» от губительного волка», то есть нового самозванца (вернее, от тех, кто, целуя крест царевичу Димитрию Углицкому, поддерживал восстание под предводительством Болотникова)¹. Эта же схема: «пастыри — овцы — волки» в осложненном, развернутом виде, с привлечением цветов книжного красноречия, с упоминанием, кроме волка, еще и *змия* и *злолютого зверя* почти одновременно была использована в «Обращении к бывшему патриарху Иову гостей, торговых и черных людей»²:

«О пастырю предобрый! прости нас, словесных овец бывшего ти стада: всегда убо хотел еси нас пасомых быти на злоконосных полях словесного ти любомудрия и напаяти от сладкого источника книгородных божественныхдохматов, и крепче брегл еси нас от восхищения лукаваго змия и образуемаго пагубнаго волка; мы же, окаянии, малодушными своими нравами отбегахом от тебе, предивнаго пастуха, и заблудихом в дебри греховныя и сами себе даша в снедь злолютому зверю, иже всегда готов губити душа наша» (157).

Нет никакого сомнения в том, что составитель этого обращения от имени «торговых и черных людей», то есть от лиц светских и не очень искушенных в «почитании книжном», был хорошо начитан в тогдашней книжной литературе, в частности — в духовной, и в достаточной мере и сам владел пером.

Говоря об исторических деятелях своего времени, составители грамот нередко наделяют их различными эпитетами, подчеркивающими светлые или темные стороны их деятельности, дающими им определенную моральную оценку. В большинстве случаев эти эпитеты носят книжный характер, иногда даже приближаются к трафаретам. Так, например, имя патриарха Гермогена, кроме обычных эпитетов «адамант», «столп», нередко сопровождается еще уважительным эпитетом «отцем отец»³, а Григорий Отрепьев в одном из документов, идущих от Бориса Годунова, награжден энергично звучащим отрицательным эпитетом — «злохищный лъвичище»⁴; город Москва и в грамотах начала XVII в., как в публицистических повестях того же времени, нередко наделяется эпитетом «мать всех городов»: «и царствующий град, мати всем градом, ныне пуст»⁵; с течением времени этот эпитет приобретает официальный характер.

¹ Там же, № 61, стр. 139.

² Там же, № 67; февраль 1607 г.

³ ААЭ, т. II, № 188, стр. 321; 12 июня 1611 г.

⁴ СГГД, т. II, № 78, стр. 164; 12 июня 1604 г.

⁵ Там же, № 262, стр. 548; июль 1611 г.

Эпитеты народного происхождения в грамотах гораздо более редки, но они в то же время и более метки; обычно они свежее и ярче. Так, в одном из «листов смоленских лазутчиков» второй самозванец, «тушинский вор», очень образно и метко назван «крути-головой»: «тот крути-голова, Дмитрий, што зоветца цариком»¹. В этом пренебрежительном эпитете хорошо подчеркнуты народное недоверие к самозванцу, беспринципность и «шатание» его политики, а отсюда — ненадежность и шаткость его положения.

Надо сказать, что многие грамоты вообще богаты образными выражениями и книжного и народного происхождения, конечно, не в одинаковой мере. Ниже приводится ряд таких, преимущественно метафорических, оборотов, которые близки к народной образной речи и извлечены в большинстве случаев из грамот, идущих от светских лиц.

В отписке царю о сибирских царицах и царевичах 14 января 1599 г.²: «А царевич было, государь. Асманак позанемог с кручины, что его розкручинил конной казак Пятуня Петров»; в отписке Михаилу Федоровичу о доставлении подарков крымскому хану: «И я, холоп твой, царя (крымского хана. — А. Н.) розкручинити не смел, зделал по цареву приказу»³.

В государевой грамоте Василия Шуйского с запросом, кто избран на шведский престол: «И будет Арцькарло и коруновался на Свейское королевство и сколь давно коруновался и прочен ли он на королевстве и любят ли его землю, и будет не любят и за что его не любят»⁴.

В разрядных записях «смутного времени»: «Того ж лета государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии ссадили бояре з государства и отдали в Литву, постригши»⁵, в окружной грамоте 1-го ополчения сибирским городам: «а литовские люди многие на короля рокош подымают, хотят его с королевства ссадить»⁶.

В статейном списке посольства к мурзе Иштереку: «А на съезде они... договорились и шертовали (клялись. — А. Н.), что им на украй]ну не пускивать ни одного человека; а хто будет поедет украткою, и того двор и до котла грабить, а ево убить до смерти»⁷.

Крымский посол, которого задерживали в Москве, не отпуская в обратный путь, говорил по этому поводу: «Да только яз

1 АИ, т. II, № 174, стр. 201; март 1609 г.

2 АИ, т. II, № 15, стр. 14.

3 Письма, т. I, № 14, стр. 22.

4 ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 92; 9 марта 1607 г.

5 Там же, 1907, кн. III, стр. 126.

6 СГГД, т. II, № 262, стр. 548, буквально то же в ЧОИДР, 1915, кн. IV, стр. 46.

7 ЧОИДР, 1915, кн. IV, стр. 30; 1 августа 1611 г.

то говорю: «меня издеся держат,—Крым тем пуст не будет; а на Москве живу, — Москва тем полна не будет»¹.

Когда части ногайских татар предстояло проводить зимнее кочевье со своими стадами в неблагоприятных условиях, возникло опасение: «то[л]ко укинут снеги великие, и они де опадут животиною»².

В мае 1605 г. в Угличе распространились слухи, будто «от вора от ростриги, которой называется князем Дмитрием Углецким», получена грамота о предстоящем его прибытии в Москву, «а в той де грамоте написано... «а яз де буду к Москве, как стает на дереве лист разметыватца»³. Здесь это неожиданное выражение о древесном листе, что он «разметывается» (а не распускается или разворачивается, как обычно), создает образ гораздо более красочный и яркий. Между прочим эти слова Самозванца приводятся в той же грамоте еще дважды: буквально так же (68) и в третьем лице («а он будет в Москве»...; 68—69):

Грамота Троице-Сергиева монастыря убеждала подмосковных крестьян, сочувствовавших «ворам», послать в Москву челобитчиков — просить о помиловании; в ней говорится: «А вы, бедные, на что ся надеете? у Москвы на посаде живете, а так плушаете. Толко б государь царь... Василий Иванович... вас не пощадил и... Гермоген патриарх не упросил, и вас бы и попелу не осталось»⁴. Конечно, простой и доходчивый стиль этой грамоты, вышедшей из крупного центра тогдашней книжно-церковной культуры, вполне объясняется тем, к кому она была обращена: адресатами грамоты были подмосковные *крестьяне*.

Лжедмитрий в своей грамоте новгород-северским воеводам от 14 марта 1610 г. призывает их жить «с великим береженьем, не оплошно, не так бы учинили, как Ондрюшка Хованской да Давыдка Гушин, — пропили город и кровь хрестьянскую пролили»⁵.

В одном из документов 1609 г. так изображается тяжелое положение войск: «а стрелцы и казаки все лежат лоском, цынга смертная, ноги пухнут, да с того и помирают»⁶.

Михаил Салтыков в ноябре 1610 г. писал Льву Сапеге, что он «служил и прямил... государю королю и королевичю... и горло свое везде тратил, чая себе милости»⁷; Троицкий воевода Долгоруков ссорился на другого воеводу, что тот «дела не делает, толко ссору чинит; а толко все на его писати, ино и письмо не обдержит»⁸.

¹ ЧОИДР, 1918, кн. I, стр. 175; 28 ноября 1605 г.

² Там же, 1915, кн. II, стр. 180; 1608 г.

³ АИ, т. II, № 55, стр. 67; 25 мая 1605 г.

⁴ Там же, № 213, стр. 250—251; май 1609 г.

⁵ Там же, № 280, стр. 340.

⁶ Там же, № 242, стр. 289.

⁷ Там же, № 306, стр. 364.

⁸ Там же, № 242, стр. 287; 1609 г.

Полународный, полуканцелярский стиль встречаем в отписке дьяка Миронова ярославскому подьячему Копнину о том, что на помощь государю идут крымские, и ногайские, и немецкие люди, а с ними вместе и «наши русские люди»; вскоре их ждут у Москвы: «А тех врагов и хрестьянских губителей и разорителей ещо хрестьянская кровь от Москвы не отпустила, отягчелися хрестьянская кровью... ждут себе погибели»¹.

К традиционным книжным оборотам примыкает прием наглядного определения границ распространения славы в «грамоте утвержденной» об избрании царем Бориса Годунова: «и славно бысть... их царьского величества имя (царя Федора и его жены Ирины.—А. Н.) от моря и до моря и от рек до конец вселенные»²; правда, географические границы даны здесь в самой общей, обезличенной форме (ср. указание конкретных границ в «Задонщине», в «Новой повести о преславном Российском царстве»).

К книжной речи приближается оборот: «сшол он с Москвы на Устюг Великой в нищем образе кормитца»³ и уж совершенно по-книжному звучит образное выражение: «от радости наполнив очи слез своих, богу хвалу воздали» (вместо прозаического «заплакав», «прослезившись») ⁴.

Встречаются, наконец, в грамотах и афористические выражения то в виде сентенций книжного характера, то в форме, приближающейся к народным пословицам.

В одном из документов «Дела о ссылке бояр Романовых»⁵ рассказывается, как приставленный к Василию Романову Иван Некрасов упрекал Романовых за то, что они «хотели царство достати ведовством и кореньем». На это Василий Романов «учел говорити подсмехая»: «свята деи та милостина, что мечут по улицам; добра та деи милостина, дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала» (41).

Другого характера «афоризм» встречаем в донесении смоленского лазутчика (март 1609 г.) воеводе боярину Шеину: «От Витепска велите хрестьяном смоленским стереща (стеречься.—А. Н.), и напрасным мужиком не велите ходити на рубеж, своим хрестьяном: мужик не знает, враки вракуют»⁶.

Еще одно афористическое выражение, тоже иного характера, находится в высказываниях «Ибрейма-паши» по поводу того, что московское правительство заключило перемирие с Польшей: «подлинно деи царь (крымский хан.—А. Н.) ведает, что государь (московский царь.—А. Н.) с королем помирился — и

¹ АИ, т. II, № 206, стр. 238; май 1609 г.

² ААЭ, т. II, № 7, стр. 26; 1 августа 1598 г.

³ Старина и новизна, кн. 14, М., 1911, стр. 208.

⁴ СГГД, т. II, № 288, стр. 610.

⁵ АИ, т. II, № 38; 1601—1602 гг.

⁶ Там же, № 174, стр. 203 — См. в «Толковом словаре» В. Даля «вракать», «враки».

с двумя деи други нельзя в дружбе быть, лутчи деи было с од-
ным другом дружитца»¹. Между прочим эти слова Ибрагимаш-
паши как-будто имеют отдаленную связь с приведенной выше
восточной притчей князя Иштерека.

* * *

При рассмотрении литературной стороны грамот, различных
особенностей их стилистики не раз приходилось попутно отме-
чать случаи употребления синонимов (отдельных слов или си-
нонимических выражений) для усиления впечатления от ска-
занного. Это, конечно, сознательный прием составителей грамот,
в большинстве своем писцов-профессионалов, прием, применяв-
шийся именно тогда, когда надо было на чем-нибудь заострить
внимание, подчеркнуть какие-то обстоятельства, усилить впе-
чатление от того, что говорится. Стремление к усилению впечат-
ления от сказанного является здесь самым главным, «объекты»
же, требующие усиления, могли быть самые разнообразные. В
одних случаях надо было подчеркнуть чье-нибудь геройство,
верную службу, в других — свое или чье-нибудь тяжелое поло-
жение, чтобы вызвать сочувствие и помощь, в третьих — благо-
дарность за полученную поддержку, в четвертых — надо было
усилить строгость и авторитетность приказа, подчеркнуть
важность совершенного проступка и т. д. и т. п.².

Приведу несколько примеров, иллюстрирующих сказанное.

В январе 1612 г. московские бояре писали в Кострому и Яро-
славль про конечное разоренье Московскому государству, «не-
строение, несовет, межусобие», в результате чего «всем погра-
ничным государем в посмех мы и в позор и в укоризну стали»³.
Здесь в обоих случаях трехкратное повторение близких по зна-
чению слов должно было усилить впечатление. Аналогичный
случай имеем в «листе» московских царских послов литовско-
польским послам: «как бы... мир и покой и тишину учинити»⁴; в
отписке пермичей казанцам о борьбе с поляками (июнь 1611 г.)
говорится: «нам с вами быти в любви, и в совете, и в соеди-
ненье»⁵.

Когда духовенство, сестра-инокиня и толпы народа уговари-
вали Бориса Годунова принять московский престол, он всеоб-
щего «моления и вопля и слез и рыдания и стенания не през-
рел» и «восприял держати скифетр Московского царствия»⁶.
Грамота патриарха Иова митрополиту Гермогену дает здесь
пять синонимов кряду, расположив их притом в восходящей гра-
дации!

¹ Письма, т. I, № 14, стр. 18; сентябрь 1619 г.

² Ср. В. В. Данилов, ук. соч., стр. 213—214.

³ СГГД, т. II, № 277, стр. 585.

⁴ АЗР, т. IV, № 200, стр. 453; сентябрь 1615 г.

⁵ АИ, т. II, № 329, стр. 397.

⁶ СГГД, т. II, № 70, стр. 148; 15 марта 1598 г.

Очень интересный пример одновременного параллельного использования синонимов «в двух направлениях» встречается в грамоте Лжедмитрия I к московским боярам (июнь 1605 г.)¹: «было вам, бояром нашим и воеводам, и родству нашему — укор, и поношение, и безчестие... и вам, дворяном и детям боярским, разорение, и ссылки, и муки нестерпимые были»... Грамота подчеркивает тяжелое положение, в котором оказались два социальных слоя: знать (боярство) и рядовое дворянство. Это положение не было одинаковым, и составитель грамоты, желая усилить впечатление в двух указанных направлениях нашел для каждого соответствующие синонимы, чтобы оттенить неодинаковость неприятностей, бед, постигших бояр и дворян.

Во всех приведенных и подобных им случаях составители документов, можно думать, стремились сделать высказанные мысли не только более вескими, убедительными, но и впечатляющими именно благодаря большей образности и красочности их выражения; эту образность и красочность придавали синонимы, которые к тому же создавали некоторую ритмичность речи.

Усилить впечатление можно было и путем подробного перечисления каких-нибудь событий, мест, лиц и т. д. По такому принципу строились, например, указания на то, как разнеслась слава о герое, об одержанной победе: важно было не только назвать отдаленные пункты, куда проникла весть о победе, но и назвать их побольше, во всяком случае несколько. Для усиления впечатления в чем-нибудь рассказе о случившейся беде (пожаре, ограблении и т. п.) нередко прибегали к перечню тех предметов хозяйственного обихода, которые погибли (ценные домашние вещи, утварь, постройки, скот и т. п.).

Таким приемом перечисления — именно с целью усилить впечатление — пользуется грамота шведского короля новгородцам от 3 января 1609 г.² Вместо того, чтобы коротко сказать: «поляки и литовцы не пощадят никого из вас», грамота подробно перечисляет:

«будет поляки и Литва над вами силу возмут, не пощадят патриарху, митрополиту, архиепископу, ни игуменом, ни воеводам, ни дьякам, ни дворянам, ни детям боярским, ни гостем, ни торговым людем, ни детёнком в пелёнках... доколе они изведут славный Российский род» (347).

И можно думать, что этот подробный перечень — от патриарха до «детёнков в пелёнках» — действительно производил на читателей или слушателей гораздо более сильное впечатление, чем голая мысль о том, что враг не пощадит *никого*. Сделанный в грамоте перечень вводил в нее живые образы, и, конечно, во всей набросанной картине «детёнки в пелёнках» должны были наиболее сильно воздействовать на чувства русских людей.

¹ ААЭ, т. II, № 34, стр. 90.

² СГГД, т. II, № 168.

Достигнуть усиления впечатления, подчеркнуть смысл каких-нибудь слов можно и с помощью простого их повторения. К такому приему нередко прибегают составители челобитных, он используется при различного рода просьбах. Так, в сентябре 1610 г. предатель Федор Андронов, извещая Льва Сапегу¹ о событиях в Москве, советовал принять меры к обеспечению власти поляков и в то же время выпрашивал себе поместья. Свою просьбу он старался подготовить и усилить с первых же строк письма, написанного в униженно-просительном тоне: «Милостивый пане, пане, а пане мой милостивый!» (355).

Этот же прием повторения слова для усиления его значения встречается в других случаях, хотя бы в просьбе Потоцкому о помощи полякам, осажденным в Москве: «Прошу и прошу твоей милости, чтобы ты сам с войском к Москве наборзо шел»².

В одной из челобитных дворян и детей боярских от февраля 1637 г.³ встречается интересный случай неоднократного повторения слов одного корня (имени существительного и глагола) — с тою же целью усилить впечатление. Остановлюсь на нем подробнее. Дворяне и дети боярские жаловались, что по своим крестьянским делам (розыск беглых и др.) они не могут в Москве «суда добиться»: «а хто и суда добьетца,—и мы, холопи твои, волочимся за судными делами на Москве в приказе лет по пяти и по десяти и болши, и по тем судным делам нам, холопем твоим, указу нет, и мы, холопи твои, с московские волокиты вконец погибли» (38—39).

Как видим, дворяне и дети боярские разных городов жаловались царю, что «на Москве» им приходится «волочиться» по своим делам в приказах годами; отсюда естественно возникает и специальный термин — «московская волокита»⁴. Достаточно образный сам по себе термин «волокита» получает здесь уже местную, локальную окраску с подчеркнутым значением особенно долгой затяжки — волокиты в ходе судебного разбирательства. По-видимому, с целью сознательного усиления значения и образности своей речи, своих жалоб челобитчики объединяют глагол «волочиться» и существительное «волокита», и это повторение одного и того же корня в близко расположенных родственных словах, бесспорно, усиливает впечатление: «волочат нас, холопей твоих, московскою волокитою» (38), «их де, дворян и

¹ АИ, т. II, № 299.

² АН, т. II, № 322, стр. 398; 16 июля 1611 г.

³ Павел Смирнов, Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в., М., 1915 (оттиск из ЧОИДР).

⁴ Глагол «волочити» (затягивать судебное дело) отмечен в Новгородской Судной грамоте XV в.; существительное «волокита» как юридический термин в значении «намеренная затяжка судебного дела» документировано лишь памятниками XVI в. — см. Е. Ф. Бакланова, К вопросу об употреблении некоторых юридических терминов в официальном языке XV—XVI вв., Ученые записки Горьковского государственного университета, вып. 14, серия филологическая, Горький, 1957, стр. 64—65.

детей боярских, волочат московскою волокитою» (39), «волочат их московскою волокитою» (там же). Конечно, в дальнейшем это сильно звучавшее и образное выражение от частого употребления «выдохлось», «обесцветилось» и обратилось в привычную формулу.

Заканчивая настоящий раздел, можно было бы сказать, что приведенные в нем многочисленные и разнообразные примеры достаточно убедительно говорят о богатстве и многообразии художественных приемов и средств, оживлявших и приближавших к литературе деловую канцелярскую речь документов.

V. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАФАРЕТЫ

(литературные и деловые)

Давно установлено, что в памятниках древнерусской литературы, в произведениях самых различных ее жанров, нередко встречаются определенные стилистические штампы, окаменевшие формулы. Это — когда-то яркие, образные выражения и обороты, от частого и длительного употребления потерявшие свои былые краски, первоначальную эмоциональность и обратившиеся в готовые литературные шаблоны, трафареты. Они известны нам в летописях и житиях, в ораторских произведениях и воинских повестях, в публицистических и других произведениях древней Руси.

Широко используются словесные штампы, стилистические трафареты и на страницах многочисленных грамот и других документов начала XVII в. Часть таких трафаретов перешла в грамоты из литературных произведений (преимущественно из ораторских произведений и воинских повестей, что объясняется агитационной направленностью многих грамот и их содержанием, говорящим о военных событиях), другие выработались, возникли самостоятельно в процессе развития и существования самой деловой письменности.

Ниже будут рассмотрены различные разновидности трафаретных оборотов, окаменевших словесных формул, встречающихся в документах начала XVII в.

Риторический вопрос типа «кто не восплачет, кто не возрыдает?» и т. д., восходящий к торжественной ораторской прозе, давно стал общим местом, штампом, правда, варьирующимся в различных произведениях. Его встречаем уже в Волоколамском списке (XVI ст.) «Повести о разорении Рязани Батыем», где, нарисовав картину «конечной гибели» Рязани и ее защитников и сказав о горе и плаче князя Ингваря Ингоревича, автор с пафосом восклицает: «Кто бо не восплачет толика погибели, или кто не возрыдает о селице народе людей православных, или кто не пожалит толико побитых великих государей, или кто не постонет такового пленения!»¹.

¹ Воинские повести древней Руси, АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 15.

Эта же вопросительная формула находится и в Сказании о Псковском взятии, вошедшем в Псковскую первую летопись: «И тогда отъятся слава Псковская, и бысть пленен (Псков. — А. Н.) не иноверными, но своими единовверными людьми. И кто сего не восплачет и не възрыдает?»¹.

Варианты этого риторического вопроса встречаются и в исторических повестях начала XVII в., например, в «Новой повести о преславном Российском царстве» (если царство наше погибнет, «кто не восплачется, кто не възрыдает, кто не въздохнет?») и в «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства» («Кто от правоверных не восплачет, или кто рыдания не исполнит, видев пагубу и конечное падение толикого многонародного государства...?») ². Не удивительно, что разнообразные вариации этого риторического вопроса неоднократно встречаем в различных грамотах и других документах начала XVII в., нередко составлявшихся большими знатоками торжественного ораторского стиля.

В грамоте митрополита Филарета в Устюг от 30 ноября 1606 г. ³ после рассказа о злодеяниях Григория Отрепьева читаем: «И видя такое злое начинание, кто тогда от православных не восплакал или кто не възрыдал...?» (130).

Очень близкий вариант находится в аналогичном по содержанию рассказе прощальной грамоты патриархов Гермогена и Иова (февраль 1607 г.) ⁴: «И таковое злое начинание его видев, кто от православных крестьян к человеколюбивому богу не восплакал, и кто от жалости сердечныи не възстоиал?» (155).

Сокращенный вариант риторического вопроса находится в воззвании патриарха Гермогена по поводу сведения с престола Василия Шуйского ⁵ «кто о сем не удивится или кто не восплачет?» (287).

В послании (очевидно, из Троице-Сергиева монастыря) к воеводам Дмитрию Трубецкому и Дмитрию Пожарскому ⁶ после подробного рассказа о бедствиях, постигших Русскую землю, снова стоит тот же вопрос: «Кто убо не възплачет нас, тако прилежащих? кто не възрыдает нас, тако запустевших? кто не восплачет толикое наше ослепление гордостное...?» (374).

Московские бояре в послании (январь 1612 г.) костромичам и ярославцам спрашивали ⁷: «А ныне, видя нашу беду и конечное разоренье Московскому государству и меж нас нестроенье и несовет и межусобье, хто не подивитца и не восплачет и не възрыдает?» (585).

¹ Полное собрание русских летописей, т. IV, СПб., 1848, стр. 287.

² РИБ, т. XIII, изд. 2, стр. 215 и 220.

³ ААЭ, т. II, № 58.

⁴ Там же, № 67.

⁵ ААЭ, т. II, № 169, стр. 287; 1611 г.

⁶ Там же, № 219.

⁷ СГГД, т. II, № 277.

Надо полагать, что и грамоты и исторические повести начала XVII в. позаимствовали этот риторический вопрос — именно как широко распространенный, «ходячий» оборот — из ораторских произведений предшествующего и своего времени; они могли сделать это вполне независимо друг от друга. Во всяком случае в грамотах рассмотренный риторический вопрос встречается хронологически раньше.

В обстановке длительной ожесточенной гражданской войны и иноземной интервенции у многих патриотически настроенных русских людей рассматриваемой эпохи являлась мысль о необходимости единства для всех, необходимости отстаивать *одни*, общие интересы, действовать дружно, как *один* человек, думать и заботиться об *одном* — о спасении Родины. Вполне естественно, что именно в это время стала особенно актуальной и нашла широкое отражение в самых разнообразных документах давно сложившаяся четкая формула, звучавшая как боевой призыв: «стати (быти) всем за один (одно)». Несмотря на предельную сжатость, лаконизм, она удачно соединяла в себе глубоко патриотический призыв с эмоциональным образом слияния всех в одном порыве, устремления всех к одной цели. Правда, в этой прекрасной формуле идея защиты родины и веры может быть несколько заслоняла ее образную сторону, но это не мешало ее самому широкому распространению.

Эту формулу встречаем и в первой половине XVI в. в посланиях митрополита Даниила: «и на враги их стояти с ними за один», «быти тебе с ним... всегда везде за один», «был бы еси с ним... за один», «оборона была бы тебе с ними за один»¹, и в самом конце XVI в.: «ему стояти с ним за один», «с ними будет сопча (сообща. — А. Н.) за один» (формула повторяется в одном документе трижды!)².

Что касается документов начала XVII в., то из огромного количества случаев использования данной формулы я приведу лишь несколько.

В декабре 1609 г. пермичи писали в Вятку: «хотим с ними и с вами, с вятчаны, заодно против тех государевых изменников... стояти все от мала и до велика»³.

Годом позже жители Белева сообщали Яну Сапеге в своей отписке: «и крест мы ныне целовали... на том, что нам быти с московским государством за один»⁴.

В окружной грамоте об отречении Василия Шуйского и семибоярщине читаем: «нам всем против воров стояти всем государством заодно», а несколько дальше снова: «и вам всем, всяким людем, стояти с нами вместе за-

¹ СГГД, т. II, № 32.

² Там же, №№ 60 и 62.

³ АИ, т. II, № 271, стр. 326.

⁴ Там же, № 309, стр. 366.

одно и быти в соединенье»¹. То же — в крестоприводной записи от апреля 1611 г.: «з города нам за Московское государство... стояти за один»².

В донесении русского посла Амвросия Лодыженского царю Михаилу Федоровичу (сентябрь 1619 г.) читаем: «быти нам в дружбе и в братстве до веку и на всякого недруга стояти нам за один»³.

Эту же формулу в самом начале XVII в. использует в своем статейном списке Григорий Микулин; он сообщает там, что западные христианские государи «хотят крепко и единомышленно стати за один против Турского»⁴.

От очень частого употребления эта формула, как и другие, выветривалась, теряла свою эмоциональность и превращалась в ходячий словесный штамп. Возможно, что для ее «освежения» или «обновления» некоторые составители грамот сознательно добавляли к ней другие слова и обороты, как это видно хотя бы в отписке пермичей казанцам о борьбе с поляками (июнь 1611 г.)⁵:

«А в грамотах во всех... пишут, чтобы вам быти со всею землею в любви и в совете и в соединении... со всею землею стояти за один... быти бы нам с вами в любви и в совете и в соединенье... и вперед бы, господа, нам с вами быть в любви и в совете и в соединенье... и стояти бы нам... с вами единомышленно» (396—397).

Здесь добавление синонимического ряда «в любви и в совете и в соединенье» (трижды на протяжении двух страниц) и в конце замена привычного «за один» через «единомышленно» в какой-то мере оживляет старую примелькавшуюся формулу. Кстати, с некоторыми вариациями эта же формула повторяется в грамоте от 18 сентября 1611 г.⁶.

В другом случае рассматриваемая формула — возможно, с той же целью обновления — усиливается с помощью замены «стати» через «помереть» и добавления другой формулы. В отписке царю Василию от 15 марта 1609 г. жители Соли Галицкой сообщали⁷:

«И вперед мы, сироты твои государевы, за святых божин церкви, и за тебя государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Руси, и за всю православную крестьянскую веру, и за свои дома, рады помереть за один и с твоими государевыми изменники битися до смерти» (206).

Стремление изменить обветшалые образы, обращавшиеся в словесные штампы, наполнить их новым содержанием и новы-

¹ СГГД, т. II, № 197, стр. 389; 1610.

² Там же, № 252.

³ Письма, т. I, № 14, стр. 18.

⁴ Путешествия русских послов XVI—XVII вв., М.—Л., 1954, стр. 196.

⁵ АИ, т. II, № 329.

⁶ АИ, т. II, № 333, стр. 399

⁷ Там же, № 177.

ми красками — явление не новое, случаи таких намеренных изменений обратившихся в штампы художественных образов известны и в далекой древности: достаточно вспомнить хотя бы изумительное претворение шаблонного выражения воинских повестей «стрелы летят аки дождь» в новое, более яркое и свежее — «итти дождю стрелами» — в «Слове о полку Игореве». Не столь яркие, но все же подобные, такого же порядка случаи обновления шаблонных оборотов речи, как мы только что видели, встречаются и в грамотах начала XVII в.

Вообще мне кажется, что в определенных исторических условиях, в периоды особой напряженности переживаемых событий отдельные выдохшиеся и обесцвеченные обороты или образы (даже без какой-либо их переработки) могли снова обрести свое первоначальное эмоциональное звучание, например, хотя бы только что рассмотренная формула — призыв в борьбе против врагов «статьи всем за один». Это особенно могло иметь место вдали от культурных центров, на окраинах огромного Московского государства, там, где меньше было «книжников», где реже появлялись различные документы и где поэтому «трафаретность» некоторых выражений и оборотов речи была менее ощутима. Во всяком случае возможность такого «освежения» или «обновления» ставшего трафаретным оборота мне кажется вполне вероятной. Известное подтверждение этому я вижу в одном интересном эпизоде автобиографической «Повести о жизни» К. Паустовского. Рассказывая об октябрьских днях 1917 г. в Москве, об уличных боях, свидетелем которых он был, автор упоминает, что во время перестрелки красногвардейцы предлагали юнкерам сдаться, но те отказывались, говоря, что они «присягали России». «А мы и есть Россия! — кричали красногвардейцы. — Соображать надо!». И несколько далее автор говорит о себе: «Я вспомнил недавние крики красногвардейцев: «А мы и есть Россия» — и внезапно с необыкновенной ясностью и новизной представил себе стертое от частого произнесения понятие «гуща народа». Да, я принадлежу к этой «гуще народа». Я чувствую себя своим среди этих мастеровых, крестьян, рабочих, солдат, среди того великого простонародья, из которого вышли и Глеб Успенский, и Лесков, и Никитин, и Горький, и тысячи наших талантливых людей»¹.

¹ Константин Паустовский. Собрание сочинений, т. III. Повесть о жизни, ГИХЛ, М., 1957, стр. 591—592 (Курсив мой — А. Н.).

Ср. аналогичные высказывания А. Югова применительно к устаревшим словам: «Потенциально каждое слово бессмертно. То есть, точнее говоря, оно может на целые столетия пережить свое материальное соответствие. Даже самое обветшалое слово, объявленное заведомым архаизмом, может вдруг воскреснуть, повинаясь законам языка, употреблению народному, отвечая требованию момента и эпохи. Зачастую — обернувшись другим значением, облеченное в другую семантику». (Алексей Югов, Эпоха и языковой «пятачок». — Литературная газета, 1959, № 7, за 15 января. (Курсив мой — А. Н.).

Я считаю, что случаи такого «обновления» обесцвеченных образов, стертых выражений могли иметь место и в сознании, в представлении современников крестьянской войны и польско-шведской интервенции в начале XVII в. при чтении или слушании ими рассмотренных здесь разнообразных документов. В определенных условиях отдельные выдохшиеся, омертвевшие образы могли снова наполниться живым человеческим чувством и начать новую жизнь.

Были, конечно, такие образные обороты речи, которые с течением времени, по-видимому, «стерлись» навсегда и навсегда уже превратились в прозаические формулы, штампы. В упомянутой выше статье В. В. Данилова очень убедительно и наглядно показано такое превращение образного выражения «куда топор ходил, куда коса ходила», определяющего границы земельных и других участков, — в прозаическую формулу юридического порядка. В. В. Данилов прослеживает жизнь этого оборота речи с 1400 г. до второй половины XVII в.¹ Есть она и в документах начала XVII в.; я ограничусь всего двумя примерами.

В 1600 г. суздальский архиепископ пожаловал боярского сына Мистрина селом Хорятино «с отхожими луги, землю пашнею и непашнею и лесом, и луги, и со всеми угодыи, где ходил плуг и соха и коса и топор, и что к тому селцу и к пустоши изстари потягло»². В «данной» записи князя Д. Пожарского Суздальскому монастырю 4 июня 1608 г. о пожаловании его деревнями читаем: «с лесы, и с луги, и со всяким угодьем, что к тем деревням изстари потягло, куда ходила соха и коса и топор»³.

В тяжелое время всеобщего шатания важно было подчеркнуть свою верность родине и ее законной власти, отсюда — нередкая в отписках отдельных лиц и целых городов формула: «И мы, господине, ... воровской никакой смуте и вперед не верим, а на воров стоим безо всякие шатости»⁴. Упорная защита родины и веры, стойкость в боях, готовность умереть за правое дело — породили образное эмоциональное выражение «стати на смерть» (в бою) или «сести на смерть» (в осаде), которое с течением времени также обратилось в привычную формулу.

Так, например, воевода Плещеев, служивший полякам, писал в апреле 1609 г. Яну Сапеге о трудностях осады Владимира⁵:

¹ В. В. Данилов, ук. соч., ТОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 211. — Ср. в книге Л. А. Булаховского, Исторический комментарий к русскому литературному языку, 5-е изд., К., 1958, стр. 25—26; «В различных договорных текстах застывшей формулой делается яркий первоначально троп: ...куда ходил плуг и коса и топор» (приведен ряд примеров из документов).

² АИ, т. II, № 32, стр. 29; 3 мая 1600 г.

³ Там же, № 87, стр. 119. Буквально то же в ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 43.

⁴ АИ, т. II, № 203, стр. 234; 1609 г. (отписка пермского и вятского воевод). Буквально то же — в ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 35 (Отписка из Вятки о смуте в Яранске — 11 апреля 1609 г.).

⁵ АИ, т. II, № 195.

«А в Володимере, господине, сидят государевы изменники (т. е. сторонники Василия Шуйского, противники поляков и самозванца. — А. Н.), многие люди; и с теми людьми нам Володимеря осадити не с кем, а изменники сели насмерть и наряду у них много» (226).

В другом случае старая стилистическая формула, благодаря использованию нескольких синонимических выражений, зазвучала по-новому свежо и эмоционально: «узнав... все оманки и ласканья, ничего его не послушали и учинили досточюдно и достохвально, стали крепко и мужественно на смерть, на память и на славу и похвалу в роды и роды» (грамота известительная из Ярославля в Казань; март 1611 г.)¹.

К формуле «статьи на смерть» близка другая — «биться на смерть», которую встречаем хотя бы в челобитной донских казаков Лжедмитрию II²: «под Ярославлем с твоими государевы изменники дрались явственно и билися на смерть», «под Кинишьмою с твоими государевы изменники дрались явственно и билися на смерть» (281).

О готовности оказать помощь в предельных размерах, рискуя жизнью, говорит образное выражение, ставшее потом формулой, — «горло свое дати». Его находим между прочим и в отписке князю Трубецкому Яна Сапеги, который в марте 1611 г. выражал готовность бороться вместе с русскими патриотами против поляков (!); «и хотим с вами за вашу веру крестьянскую и за свою славу и при своих заслугах горло свое дати», «а мы при вас и при своих заслугах горла свои дадим», «и мы свои горла за вас дадим, покамест вам бог пошлет государя на московское государство»³. К этой формуле близко такое выражение: «Ныне мы... идем все головами своими в помощь к Московскому государству»⁴.

В начальные годы XVII столетия, в условиях всеобщей разрухи, постоянных военных столкновений и частой смены властей, многие тогдашние русские люди обращались к представителям власти с просьбой наградить их «за верную службу», за различного рода «заслуги». В практике писцов-профессионалов, составлявших соответствующие челобитные для тех, кто домогался каких-либо «пожалований», очевидно очень быстро выработался определенный стилистический трафарет, красноречиво описывавший «заслуги» и «подвиги» просителей (иногда мнимые). Наличие такого трафарета очень убедительно показал В. В. Данилов, приведя случай, когда два различных лица, находившиеся в разных местах и в различных условиях (Путята — в 1610 г. при Василии Шуйском и Иван Урусов — в 1614 г. при Михаиле Романове), «были обрисованы одинаковыми героичес-

¹ СГГД, т. II, № 241, стр. 518.

² АИ, т. II, № 239; июнь 1609 г.

³ ААЭ, т. II, № 182, стр. 310—311.

⁴ Там же, № 201, стр. 349; отписка нижегородцев вологжанам, 1612 г.

кими чертами подьяческого стилистического трафарета»¹. Этот стилистический трафарет был очень распространен в свое время. Вот еще один пример, где он повторяется буквально—в тексте «пожалования» Василию Маркову²: «а он, Василей, будучи на Москве в осаде, против тех злодеев наших стоял крепко и мужественно и многое дородство и храбрость и кровопролитие службы показал и голод и наготу и во всем оскудение и нужу всякую осадную терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту не на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякие шато-сти» (35).

Там же приводится другой, сокращенный вариант этого стилистического трафарета — в более общей форме, касающейся «пожалования» всех тех, «которые в воровской приход сидели на Москве в осаде и по городом и против воров стояли крепко и с воры билися и голод и наготу и всякую нужу терпели, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не прельстились» (34).

Еще более сжатый, лаконичный вариант приведенной трафаретной характеристики находим в челобитной Захария Ляпунова Шуйскому³: «А я, холоп твой Занко, жил на Москве полтретья годы, и в осаде был, и тебе, государю, служил, с Литвою и изменники на многих боех бивался. Царь государь, смилуйся!».

Однако в грамотах встречается и отход от общепринятого трафарета многочисленных челобитных, податели которых просят о каком-нибудь «пожаловании» за свою «службу». Таково, например, «прошение» царю Василию переводчика Вразского⁴, в котором перечень заслуг просителя дается не по готовой схеме общими трафаретными фразами, а с указанием конкретных событий, с рядом характерных подробностей:

«и я, холоп твой, в царицынское взятыя тебе государю служил, с твоими государевы изменники... бился, а как твои государевы изменники из города побежали в степь, и я, холоп твой, за ними гонял до речки до Ольшанки от города 7 верст и с ними бился и твоих государевых изменников побивал. ... и как я, холоп твой, буду против Прорвинского устья и на меня, холопа твоего, пришли твой государевы изменники... 50 человек и со мною... бились и сидел, государь, от них в осаде день да ночь, а со мною, холопом твоим, было восм человек стрельцов, и отшибли... у меня... выюшную лошедь с борошнишком моим: а я, холоп твой, и з стрельцы от твоих государевых изменников отшел» (204—205).

¹ В. В. Данилов, ук. соч., стр. 215.

² ЧОИДР, кн. IV; 1610 г.

³ АИ, т. II, № 286, стр. 347.

⁴ ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 204—206; март 1608 г.

Как видим, данная здесь картина деятельности Вразского, перечень его заслуг перед царем носят самостоятельный характер: сообщаемые здесь реальные подробности никак не укладываются в готовые рамки стилистического трафарета. Зато заключительная часть «прошения» Вразского напоминает такие же «концовки» челобитных, в которых дворяне, потерявшие во время восстания Болотникова, просили царя Василия Шуйского о милостях, помощи и вознаграждениях. Когда сам Вразский уехал из Астрахани, тамошние враги его, «государевы изменники», стали мстить его семье и разорять имущество:

«мать мою, холопа твоего, взяв с подворьяшка, вкинули в тюрьму, а животишка отца моего и наше разорили и людишек кабальных роспускали и крепости им повыдали, а купленных людишек розаймали по себе, и я, холоп твой, стал разорен до конца» (206).

В этих заключительных строках есть некоторые точки соприкосновения и с известным «Посланием дворянина к дворянину»¹.

В многочисленных челобитных начала XVII в. бывают и другие отклонения от обычного стилистического трафарета. Любопытный пример находим в одном из документов 1613 г.², автор которого, говоря о своей «службе», прибегает к народным выражениям и оборотам, которые тоже могли, в конце концов, стать общим местом: «Служил[я], холоп твой, прежним царям и тебе, государю царю, всякие твои государевы службы — зимние и летние, с травы да с воды, с поля, 25 лет и мни о каких своих нуждах тебе, государю, не бивал челом» (110).

В грамотах и других документах начала XVII в., как и в воинских повестях, более или менее устойчивые стилистические формулы встречаются нередко в рассказах о боевых столкновениях. Одну такую формулу встречаем в отписках вятчан о победе над мятежниками 18 января 1609 г. они сообщали³: «Да генваря в 1 день под Свяжским... государевы люди многих воровских людей... побили на голову ж и топтали их и кололи, что свиней, и трупы их положили на семи верстах» (33). Буквально то же — в отписке 1 февраля 1609 г.⁴ В другой же январской отписке эта формула (применительно к тому же событию) передана свободно, с некоторыми вариациями⁵: «под Свяжским многих людей безчислено побили на голову и трупы их легло побитых на семи верстах, а кололи их что свиней, и многих живых поймали и в Казань привели» (198).

Еще более далекий отголосок этой формулы встречаем в одном из сообщений о другой стычке в январе 1611 г.⁶: «немецких

¹ О нем см.: А. А. Назаревский. Несколько замечаний о «Послании дворянина к дворянину». — ТОДРЛ, т. XIV, стр. 284—289.

² ЧОИДР, 1911, кн. IV.

³ Там же, 1915, кн. II.

⁴ АИ, т. II, № 145, стр. 168.

⁵ ААЭ, т. II, № 100.

⁶ АИ, т. II, № 316, стр. 373.

людей побили всех на голову и топтали их на пятнадцати верстах». Сюда же относится, можно думать, и образное выражение «втоптать в город»: «на государевых изменников пришли и их побили и втоптали в город»¹.

О других отголосках стиля воинских повестей в рассматриваемых документах (в описаниях боя, осады) смотри выше — в разделе об историческом повествовании.

В некоторых документах обращают на себя внимание образные, в народном духе, обозначения времени года, выраженные с помощью указания соответствующих явлений в жизни природы. Выше уже было приведено одно такое чрезвычайно красочное выражение, взятое будто бы из грамоты Григория Отрепьева. Там он так определял время своего прибытия: «а яз де буду к Москве, как станет на дереве лист разметыватца»². Сюда примыкают и такие образные определения хронологической даты, как, например; «и я сам к вам буду о семике, как земля просохнет и воды сольют»³; «а ждут на просухе как вода сольет и коньской корм поспеет»⁴; «татаровя хотят итти в Крым... потому что де спеет (т. е. надвигается. — А. Н.) зима»⁵; «застигла зима и пали снега великие», «спеет зима»⁶; «а ныне де их (татар.—А. Н.) застала зима, и снега пали великие»⁷.

Сюда же относится образное определение времени года «по синему леду», обозначающее раннюю зиму, ее начало, когда реки только что сковывались льдом. Это видно из донесения Амвросия Лодыженского, русского посла в Крыму, царю Михаилу Федоровичу. Крымский хан настаивал, чтобы традиционные подарки и «казна» были присланы из Москвы поскорее, еще летом, Московское же правительство из-за финансовых затруднений оттягивало отправку посольства с «поминками» и «казною». Вот ряд соответствующих цитат: «а великий государь наш посланника по синему леду с поминки и по запросу денги пришлет»⁸, «а собрав поминки, посланника «государь в осень по синему леду пришлет рано» (16), «государь... и посланников с казною отпускает тотчас по синему леду» (21), «посланников наших с казною отпускаем тотчас ныне по синему леду... как есмь к царю (крымскому хану. — А. Н.) писали» (25), «прислать поминки ныне в осень, не втягивая в зиму» (18), «царю досадно стало, что государь (московский царь. — А. Н.) поминки отложит до синего леду» (17), «царь поминков до синего леду не ждет» (17), «Днепр перелесть по синему леду» (20), «Днепр перелесть в осень теплою водою до заморозов, да и в войну де

¹ АИ, т. II, № 235, стр. 277; июнь 1609 г.

² АИ, т. II, № 55; 25 мая 1605 г.

³ Там же, № 209, стр. 243; 1609 г.

⁴ Там же, № 212, стр. 249; май 1609 г.

⁵ ЧОИДР, 1918, кн. I, стр. 201; 1606 г.

⁶ Там же, стр. 205.

⁷ Там же, стр. 206.

⁸ Письма, т. I, № 14, приложение, стр. 16—25; сентябрь 1619 г.

пойтить; а и звойны б де пришотчи, Днепр перелесь по синему леду» (19—20).

К рассмотренным определениям времени применительно к жизни природы относится еще и такой оборот из царской грамоты воеводе: «а как дрова... вывезут, и вы б посошных людей велели отпустить к себе... чтоб им не завесновать и поспеть к себе по зимнему пути»¹.

Частое повторение в грамотах подобных образных обозначений времени дает основание думать, что постепенно и они теряли свою первоначальную образность, «стирались» и обращались в привычные словесные штампы.

Наконец, в грамотах встречаются особые обороты речи, которые вообще имели более прозаический характер, даже в момент своего возникновения, в дальнейшем же превратились в настоящие канцелярские штампы. Приведу только два таких оборота: «чего у вас и на разуме нет» и «сами ведаете» («вам самим ведомо»).

Первый из них очень часто встречается в грамотах сменявших друг друга царей — Бориса Годунова, Самозванца, Василия Шуйского. В грамоте Бориса Годунов князю Мстиславскому (декабрь 1604 г.) читаем: «и мы тебя, за твою прямую службу, пожалуем великим своим жалованьем, чего у тебя на уме нет»², а через полгода новый царь (Самозванец) обещал властям Сольвычегодска: «А как всяких людей к крестному целованью приведете, и мы вас и их пожалуем великим своим царским жалованьем, чего у нас на разуме нет»³.

Особенно щедр был на такие обещания Василий Шуйский.

В похвальной грамоте разным городам (май 1609 г.) говорится: «а как на Москве будете и наши очи увидите, и мы вас пожалуем великим жалованьем, чего у вас и на разуме нет»⁴; в царской грамоте суздальцам от 15 апреля 1609 г. читаем: «А мы вас, за вашу службу, пожалуем нашим великим жалованьем, чего у вас на разуме нет, и службу вашу учиним во веки памятной»⁵; в грамоте владимирцам от 27 мая 1609 г. привычная формула несколько видоизменена: «а мы... пожалуем вас своим царским великим жалованьем, чего у кого и на разуме нет, честию и повышеньем и неоскудным подаяньем»⁶.

Как видим, здесь старая канцелярская формула несколько конкретизируется и раскрывается с помощью синонимического ряда: «честию и повышеньем и неоскудным подаяньем».

Другая формула — «сами ведаете» — давнего происхожде-

¹ АИ, т. II, № 39, стр. 53—54; 29 ноября 1602 г.

² ААЭ, т. II, № 27, стр. 77.

³ Там же, № 38, стр. 93.

⁴ Там же, № 120, стр. 225; еще вариант — на стр. 236.

⁵ АИ, т. II, 197, стр. 229; вариант — в соседнем столбце.

⁶ Там же, № 221, стр. 260.

ния, ее встречаем: (именно в таком виде) еще у Ивана Грозного в «Послании в Кирилло-Белозерский монастырь» (1573 г.)¹.

«А го вам и самим ведомо» — встречаем в грамоте после 9 мая 1609 г.², «и малоумных людей прелщают, чтоб с ними православных хрестьян победить, а после и их погубить... Да и то вам подлинно самим известно» — в грамоте от 27 мая 1609 г.³; «сами ведаете подлинно», «про то вам и самим ведомо» — в грамоте от 15 апреля 1609 г.⁴. Напомню, что этот трафаретный прием обращения к читателям или слушателям, вполне естественный и даже неизбежный в грамотах, не раз встречается и в «Новой повести о преславном Российском царстве»⁵.

Такие обороты, лишённые образности и эмоциональности, взятые отдельно, сами по себе, являлись как бы совершенно уже окаменевшими, мертвыми канцелярскими формулами. Однако в контексте и они получали иногда определенное звучание, некоторую тональность и придавали всему выражению, в которое входили, оттенок то интимности, то убедительности, давали какую-то эмоциональную окраску. Например, в «Повести о смерти и погребении князя М. В. Скопина-Шуйского» трафаретные слова «сами ведаете» придают тому отрывку, в котором автор собирается передать «плачи» матери и молодой жены Скопина, известный оттенок сочувствия погибшему герою и интимности в обращении к читателям. Автор так строит переход к этим «плачам»: «А о матери его... что изглаголати или исписати? *Сами весте* матерне сетование и рыдание и по своим детем разумеите, как у коей матери и последнее дитя, а не токмо единочадное, смерти предастся, и како убо матерню сердцу по своим детяти»⁶. Здесь подчеркнутые слова вводят читателя в лирическое изображение материнского горя и сами в какой-то мере приобретают лирическую окраску.

VI. РИФМА, ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

При просмотре большого количества грамот и других документов начала XVII вв. нельзя не заметить во многих из них довольно частого обращения к ритмической речи и даже к рифме. Очевидно, составители грамот в какой-то мере чувствовали, что ритмичность речи делает ее более выразительной, что ритм и рифма придают изложению особую взволнованность и больше могут воздействовать на читателя или слушателя. Обилие случаев ритмической и рифмованной речи позволяет говорить уже не о случайном, а о сознательном обращении к ней, о стремлении украсить свою речь и сделать ее средством эмоционального воздействия.

¹ Послания Ивана Грозного, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 140.

² АИ, т. II, № 213, стр. 251.

³ Там же, № 221, стр. 259.

⁴ АИ, т. II, № 197, стр. 228.

⁵ РИБ, т. XIII, изд. 2, стб. 189, 208, 210, 211, 217 и др.

⁶ Там же, стб. 1344.

Таким образом здесь, как и в некоторых исторических повестях начала XVII в., мы встречаемся с осознанной художественной формой, с сознательно употребленным литературным приемом.

Я имел уже случай указать на наличие рифмы (преимущественно простейшей — глагольной) в ряде прозаических памятников, начиная с середины XVI в., таких как произведения Ивана Пересветова, как переписка Ивана Грозного с Курбским¹. И почти в это же время, с конца XVI в., встречаются рифмованные окончания отдельных строк и в грамотах (тоже преимущественно глагольные рифмы). Можно указать хотя бы на челобитную Львовского братства царю Федору Ивановичу 1592 г.² с рядом рифм — имен существительных: «северския страны... крепкий *властителю*, варваров... *прогонителю*... истине *ревнителю* и... православные веры опасный *блюстителю*», — и на грамоту патриарха Иова об устройении Богоявленского монастыря 4 января 1559 г.³ — с глагольными рифмами в инфинитивной форме: «ему впредь в том монастыре у них *быти*, и велети бы ему тот монастырь у них *строити* и братию *сбирати* и желаемых *постригати*».

Некоторое количество рифмующихся строк в грамотах начала XVII в. было указано мною в работе «Очерки из области русской исторической повести начала XVII века»⁴, здесь приведу еще ряд примеров как с глагольными, так и с другими рифмами.

Известительная грамота царя Василия Шуйского о Григории Отрепьеве (2 июня 1606 г.)⁵: «хотел бояр, и дворян, и приказных *людей*, и *гостей*, и всяких лучших *людей побити*, а Московское государство хотел до основания *разорити*» (309); «бог наш... умысл его злодейской всем людям *объявил*, и гнев свой от православных христиан *отвратил*» (там же).

Грамота В. Шуйского к галицким жителям с призывом отстать от второго Самозванца (30 ноября 1608 г.)⁶: «И ныне над православною верою какое злое поругание *делают*, церкви божия *разоряют*, и образы *обдирают* и колют, и раки чудотворныя *разсекают*»⁷.

Отписка вычегодцев пермичам (20 января 1609 г.)⁸: «богоотступники литовские люди и с ними русские воры... церкви божи *разоряют*, и образы *колунают*, и оклад и кузнь *снимают*, и

¹ А. А. Назаревский, Очерки из области русской исторической повести начала XVII в., 1958, стр. 69—70.

² АЗР, т. IV, № 34, стр. 47.

³ ААЭ, т. II, № 11, стр. 61.

⁴ Указ соч., стр. 85 и 99—100 (примечание 2-е).

⁵ СГГД, т. II, № 147.

⁶ Там же, № 165.

⁷ Буквально то же в грамоте Шуйского суздальцам от 15 апреля. 1609 г., АИ, т. II, № 197, стр. 228.

⁸ ААЭ, т. II, № 102, стр. 200.

православную веру *попирают*, и крестьян *секут*, и жены их и дети в полон в Литву *ведут*». Здесь, мне кажется, особенно хорошо видно сознательное употребление рифмы, ее специальный подбор: после глагола «секут» к нему подобрана рифма «в полон в Литву *ведут*», тогда как к предыдущим формам *снимают, попирают* можно было бы подобрать рифмы *угоняют, забирают, отсылают*. Именно последний вариант как раз и находим в государственной грамоте свияжским воеводе и дьяку 12 апреля 1609 г.¹ где выражение «в полон в Литву отсылают» рифмуется с предшествующими глагольными формами *разоряют — поругают*: «многую христианскую кровь *проливают*, и святые божи церкви *разоряют*... и жон и детей *поругают* и в полон в Литву *отсылают*».

Челобитная пермских приказных (март 1609 г.)²: «литовские и русские воровские люди хотят... твою государеву вотчину *занустиши*, и истинную крестьянскую веру *разорити*, и твоих государевых служивых людей... *побити*, и церкви божи *разорити* и... всех православных крестьян *поработити*».

Отписка из Перми о взятии «ворами» Котельнича (середина декабря 1609 г.)³: «... и всякие русские воры... многие волости *повоевали*, и город Котельнич взяли, и церкви божи *осквернили и разорили*»⁴:

В приведенных выше и других подобных местах грамот, где говорится о поругании веры православной, разорении церквей и многочисленных бедствиях, постигших население, рифмующиеся окончания ритмических строк должны были усиливать впечатление, максимально воздействовать на читателя; к этому очевидно и стремились авторы многочисленных документов рассматриваемой эпохи.

Иную роль и иные функции выполняли рифмующиеся окончания, когда в грамотах приводились приказы, распоряжения или давались советы и указания, как, например, в следующих случаях:

Царская грамота жителям Суздаля (15 апреля 1609 г.)⁵: «и вы бы... к ним не *приставали*, и им бы ни в чем не *помогали*... А вы бы посадские люди... дворянам бы и детям боярским *говорили* и у них бы того *просили*, чтобы они с вами вместе на воров *стояли* и всех бы *оберегали*».

Грамота Троице-Сергиева монастыря крестьянам Вохонской волости (после 9 мая 1609 г.)⁶: «И перед вам от кого мило-

¹ ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 36.

² ААЭ, т. II, № 110, стр. 213.

³ ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 45.

⁴ Вариант в отписке из Перми в Вятку: «и на Вятке Котельнич городок взяли, и церкви божи *осквернили* и крестьян многих *побили и разорили*» после 16 декабря 1609 г.; ЧОИДР, 1915, II, стр. 36.

⁵ АИ, т. II, № 197, стр. 228—229.

⁶ АИ, т. II, № 213, стр. 251.

сти ждати? И вам бы однолично людей с челобитною *прислати*, и крестьяном с хлебом и с товары велети ехати, *торговати...*»

Грамота короля Сигизмунда к московским боярам 1611 г.¹... «...чтоб они души свои помнили, на чем нам крест *целовали*, а воровских грамот и ложново их слово и к их воровству не *приставали...* а приходу государя своего... смирно *ожидали*, а против всяких воров за свое крестное целование *стояли*, а досталь государства московского розорити не *дали*».

Как можно заметить, в императивных конструкциях грамот и там, где к адресатам были обращены какие-либо упреки, обвинения, увещания, рифма придавала распоряжениям и внушениям властей большую силу, сообщала им более энергичное звучание.

Приведу еще несколько примеров с разнообразными глагольными рифмами.

Царская грамота воеводе князю Болховскому (27 мая 1609 г.)²: «во многих местах воров *побили*, и которые к воровству смутились места, те *укрепили...* Муром и Володимерь... свободили, а себе в том вечную славу и хвалу *учинили*».

Царская грамота муромцам³: «вины их им *отдадим*, и крынути их ничем не *велим*».

Царская грамота воеводе Алябьеву⁴: «зачем ты сам... в Володимерь не *идеешь* и ратных людей не *пришлеш?*».

Лист королевских радных панов московским думным боярам (1611 г.)⁵: «неповинную кровь хрестиянскую *проливают* и господарство *запустошают*» «правды... вперед не *отступати* и крепко ее *держати*»; «господь бог... умышленья их не *благословил*, а задерживает престол господарский тому, кого он сам на то возлюбил... да и вас, бояр, десницею своею... *сохранил* и его королевской милости людей... *соблюл* и *оборонил*».

Лист литовско-польских послов московским царским послам (1615 г.)⁶: «воровским обычаем кровь хрестиянскую *проливают*, людей королевского величества *убивают*, и шкоды великие *чинят*, и волость Смоленскую до конца *пустошат*».

Приведу еще несколько случаев неглагольных рифм, которые вообще встречаются в грамотах начала XVII в. значительно реже. Выше была приведена цитата из челобитной Львовского братства 1592 г. с рифмами-существительными: *властителю—прогонителю—ревнителю—блустителю*.

В грамоте патриарха Иова (14 января 1605 г.)⁷ читаем: «ушел (Григорий Отрепьев. — А. Н.) ко князю Адаму Вишневецкому и по сотонинскому *ученью* и по Вишневецких князей

¹ СГГД, т. II, № 255, стр. 540—541.

² АИ, т. II, № 222, стр. 261.

³ Там же, № 225, стр. 265.

⁴ Там же, № 224, стр. 264.

⁵ АЗР, т. IV, № 184, стр. 428.

⁶ Там же, № 202, стр. 457.

⁷ ААЭ, т. II, № 28, стр. 79.

воровскому *умышлению* и по королевскому *вельню*, учал называться князем Дмитрием».

В увещательной грамоте Василия Шуйского (23 декабря 1608 г.)¹; «они сами над собою увидят от воров конечное *разоренье*, и домам их *запустенье*, и женам и детям *поруганье*».

В наказе Михаила Скопина-Шуйского (10 августа 1609 г.)²: «литовских людей воровской завод и *умышление* и московскому государству *разоренье*».

Еще пример из царской грамоты 1609 г. воевода И. Салтыкову³: «Ведомо нам подлинно ваша великая служба и *раденье*, и нужное во всякой мере *терпенье*».

Любопытный пример рифмовки находим в «литовском листе, принесенном Хохряковым в Смоленск» (1609 г.)⁴; здесь глагольная форма 1 лица ед. числа настоящего времени рифмуется с местоимением: «Ино только верьте на мене, а все, што у нас будет делатца, ведать будете, а я вам весть *даю*, шею отваживши *свою*» (т. е. рискуя своей шеей. — А. Н.).

В челобитной Ивана и Григория Ржевских (1610—1611 г.) рифмующиеся существительные, идущие непосредственно одно за другим, представляют перечень испытаний, лишений, которые пришлось перенести челобитчикам. Такое повторение слов все усиливающегося значения уже само по себе создает известное «нагнетание», рифмовка этих слов в значительной мере еще усиливает его: «пожалуйте нас... за нашу к вам государем службу, и за *терпенье*, и за *разоренье*, и за тюремное *сиденье*, как вам великим государем, о нас бог известит»⁵.

Число примеров с рифмами, особенно глагольными, можно было бы увеличить во много раз, и это, скажу еще раз, дает основание думать, что тут в очень многих случаях мы встречаемся уже с сознательным применением рифмы, с использованием ее составителями грамот в качестве особого приема, украшающего речь, делающего ее более взволнованной, эмоциональной и вместе с тем впечатляющей и убедительной. Этим приемом пользовались не все одинаково, но, можно думать, он уже более или менее прочно вошел в практику многих писцов-профессионалов.

Мы знаем, что ритмическая и рифмованная речь встречается нередко и в исторических повестях начала XVII в. Однако нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство. «Новая повесть о преславном Российском царстве», в которой рифмованные и ритмические строки составляют большую часть произведения⁶, особенно близка к грамотам того же времени.—

¹ СГГД, т. II, № 167, стр. 345.

² СГГД, т. II, № 186, стр. 372.

³ АИ, т. II № 226, стр. 266.

⁴ Там же, № 146, стр. 172.

⁵ Там же, № 311, стр. 370.

⁶ См. А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII в., стр. 158—183 (текст Новой повести).

настолько, что отдельные места повести как будто вставлены в различные грамоты или взяты из них¹. Другая повесть — «Плач о конечном пленении и о разорении Московского государства» — имеет немного случаев рифмованных окончаний в соседних строках, но они встречаются именно в повествовательной части «Плача», основанной на грамотах, в обширном риторическом вступлении их совершенно нет. В то же время в грамоте князя Дмитрия Пожарского, бывшей одним из источников «Плача», случаев рифмованных окончаний значительно больше².

Вот это обстоятельство и позволяет говорить не только об идейном, но и о стилистическом воздействии грамот на литературные памятники, связанные с событиями крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Грамоты и другие документы Московского государства по самому своему существу являются памятниками деловой письменности. Однако многие из их составителей в конце XVI начале XVII-го вв. сознательно используют разнообразные художественные приемы и средства, заботясь о выразительности речи; при этом они учитывают не только содержание документа, но и то, кому, от кого и при каких обстоятельствах он пишется.

В огромном словарном и фразеологическом материале документов указанной эпохи хранится богатый запас различных средств поэтической, образной речи, и попадают они там не только разрозненно, как бы случайно, отдельными яркими блесками, но и порою более или менее сконцентрированными, собранными в своеобразные художественно-стилистические гнезда, в живописные картины и запоминающиеся образы.

Многие грамоты содержат в себе отдельные исторические эпизоды или эпизоды бытового характера, изображающие какие-нибудь обстоятельства жизни упоминаемых лиц. В таких

¹ См. А. А. Назаревский, Очерки из области русской исторической повести начала XVII в., стр. 71—72, 86—89.

² А. А. Назаревский, стр. 99—100. Привожу здесь другие случаи рифмующихся строк в грамоте Пожарского от 7 апреля 1612 г. (ААЭ, т. II, № 203), не вошедшие в мои «Очерки»:

«многие грады *разорили*, и святые великие лавры *разрушили* и нетленные тела святых *обругали*, и бесчисленно православных христиан мечному потреблению *предали*» (254); «а самому было гетману с полскими и с литовскими людьми от Москвы *отоитить* и стати в Можайску, а в Московском государстве и во всех городех литовским людем не *дал* и сам от Смоленска не отшел, и многими жестокими приступы Смоленск взял (там же); «и бедных полонеников... всякого чину мужьска и женска *порукали* иных смерти *предали*» (там же); «начальник же их Иван Заруцкой многие грады, и дворцовые села, и черные волости, и монастырския вотчины, себе *поимал* и советником своим, дворяном и детям боярским, и атаманом и казакам *оддзал*» (там же).

эпизодах нередко эмоциональность изложения, особый подбор слов, живая разговорная речь, не только украшающие, но и оценочные эпитеты и даже попытки художественно-психологической характеристики изображаемых лиц. Подобные эпизоды, встречающиеся в различных документах, стоят как бы на грани деловой письменности и литературы, выделяясь среди других своим стилем, самым способом выражения. Это уже своего рода «шаг в литературу».

Вообще можно было бы сказать, что грамоты, отписки и многие другие документы рассматриваемой эпохи — живой родник, источник, из которого черпала наша литература начала XVII в., ее активные участники и создатели. Грамоты нашли достаточно широкое отражение в идейном содержании и своеобразном стиле «Новой повести о преславном Российском царстве»¹, так что «некоторые места повести можно было бы свободно перенести, вставить в ту или иную грамоту... в некоторых же грамотах отдельные абзацы и целые отрывки как будто выхвачены из «Новой повести», целиком взяты с ее страниц»². Можно думать, что именно воздействию грамот «Новая повесть» обязана своей ориентацией на ритмическую и стихотворную организацию речи, а также обращением в некоторых случаях к просторечию, к живому разговорному языку.

В значительной мере на грамотах построено содержание книжного «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства», который испытал и стилистическое воздействие грамот (глагольные рифмы в окончаниях отдельных строк)³.

«Грамоты являются составной частью Иного сказания»⁴, как и некоторых других исторических повестей и летописных сказаний, говорящих о событиях крестьянской войны и польско-шведской интервенции.

Это воздействие на памятники литературы было возможно и даже неизбежно не только вследствие идейной близости грамот с названными произведениями, но еще и потому, что многие стилистические обороты, художественные приемы грамот приближали их к литературным произведениям и таким образом облегчали им доступ, проникновение в исторические повести, летописи, хронографы.

Проникая в большей или меньшей мере в литературу рассматриваемой эпохи, в отдельные ее произведения, грамоты и

¹ А. А. Назаревский, Очерки из области русской исторической повести начала XVII века, Изд-во КГУ, Киев, 1958, стр. 80—89.

² Там же, стр. 86.

³ Там же, стр. 93—99.

⁴ М. А. Яковлев, «Иное сказание». (Повесть о крестьянском движении начала XVII в.). Ученые записки Ленингр. Гос. пед. ин-та им. М. Покровского. Факультет языка и литературы, Вып. I, Л., 1939, стр. 22.

другие документы раздвигали ее рамки, вводя новые темы и новые жанры, оживляли, приближая к разговорной речи, язык, содействовали сближению литературы с окружающей жизнью и таким образом толкали ее в сторону более реалистического изображения действительности. И может быть не случайно именно в канцелярской приказной среде были созданы такие выдающиеся произведения эпохи, как небольшая, но замечательная «Новая повесть о преславном Российском царстве» и капитальный «Временник» Ивана Тимофеева, большого мастера и «родоначальника русского историко-психологического литературного портрета»¹.

Различные элементы и средства образно-художественной и эмоциональной речи, которые можно обнаружить в грамотах и других документах начала XVII в., конечно, сравнительно скромны количественно и не слишком богаты качественно, но все же они есть — и с ними нельзя не считаться, ими нельзя пренебрегать. В общем ходе развития русской литературной речи, в процессе развития русской литературы XVII в., ее демократизации, сближения с действительностью, с жизнью — эти литературные элементы, бесспорно, сыграли свою определенную роль, и эта роль была положительной.

К разнообразным жанрам деловой письменности начала XVII в. (грамотам, челобитным, отпискам, распросным речам и т. д.) вполне приложима та оценка, которую Д. С. Лихачев дал статейным спискам этого же времени: все эти жанры «сыграли большую роль в развитии русской прозы», «в них вносились черты живой действительности, свежих впечатлений, деловой язык смешивался в них с разговорным, развивалось искусство диалога, искусство ведения повествования»² и, надо еще добавить, искусство характеристики упоминаемых в документах лиц. И, кроме того, самый язык отдельных документов красноречиво говорит о том, какие блестящие возможности открывались перед нашей литературой, когда она обращалась к народной речи, как материалу для художественного творчества.

В переплетении и борьбе старого с новым, традиций и новаторства грамоты и другие документы начала XVII в. не только шли в ногу со всей тогдашней литературой, но в некоторых случаях и опережали более устойчивые, «косные» литературные жанры, сами будучи более подвижными, непосредственно связанными с жизнью широких народных масс и их живой, образной разговорной речью.

¹ И. Полосин, Временник Ивана Тимофеева, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1951 («Литературные памятники»), Известия АН СССР, Отд. лит. и яз., 1952, т. XI, в. I, стр. 85.

² Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. Изд. АН СССР, серия «Литературные памятники», М.—Л. 1954, стр. 346.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии Наук. Том II (1598—1613). С.-Петербург, 1836.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том IV (1588—1632). С.-Петербург, 1851.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, Том II, С.-Петербург, 1841.
- Письма, т. I — Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией, Том I, (1526—1658). Москва, 1848.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, Том XIII (издание второе), С.-Петербург, 1909.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, Часть II, Москва, 1819.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии Наук СССР.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
I. Торжественно-риторический стиль	7
II. Повествовательная речь (рассказ)	20
1. Повествование обычное и историческое	21
2. Живой, непринужденный рассказ; вставные эпизоды литературного характера; характеристики упоминаемых лиц	29
3. Письма	42
III. Описание	46
IV. Отдельные обороты и приемы художественной речи	49
V. Стилистические трафареты (литературные и деловые)	60
VI. Рифма, ее применение	71
Заключение	76
Условные сокращения	79

Александр Адрианович
Назаревский

О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века

Редактор *Елигулашвили Э. М.*

Художник *Чурий Е.*

Технический редактор *Хохановская Т. И.*

Корректоры *Блейвас Ж.*

Умрикиан М.

БФ 16230. Заказ 276. Тираж 1500. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Печ. листов 5
Учетно-издат. листов 5,7. Бум. листов 2,5. Подписано к печати 3/III—1961
Цена 23 коп.

Напечатано с набора типографии «Трансжелдориздата» на Ю.-З. ж. д.,
Киев, ул. Лысенко, 6 в типографии Издательства КГУ, Б. Шевченко, 14

Цена 23 коп.